

Йозеф Шумпетер

ТЕОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ¹

СЕДЬМАЯ ГЛАВА. НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО КАК ЦЕЛОЕ

Hypotheses non fingo²

Картина экономики меняется с течением времени. Если мы бросим взгляд на народное хозяйство в какой-нибудь произвольный момент времени, мы увидим оживленную хозяйственную жизнь и активную деятельность. Статическая теория объясняет это стремлением к регулярному достижению состояния равновесия или к его восстановлению. И без сомнения, она права. Если мы рассмотрим ту же экономику в какой-нибудь другой момент времени, мы увидим ту же ситуацию, и снова статика все нам объяснит. Но состояние равновесия, к которому тяготеет экономика теперь, уже другое, отличное от состояния равновесия в первый момент времени. Волны экономики не всегда возвращаются к прежнему уровню. Подобно морским волнам, они скорее колеблются около какого-либо уровня, но не всегда около одного и того же. Изменяются не только конкретные факты, но также их теоретическое описание и их идеальный образ. Если первая проблема политэкономии: как на основе общих условий жизни того или иного народа формируется определенный уровень экономики? — то вторая сводится к вопросу: как народное хозяйство совершает переход от одного уровня, — который считался конечной целью и точкой равновесия, — к другому? Это и есть вопрос о сущности экономического развития.

Я собираюсь здесь изложить теоретический анализ развития, его механизм и схему, в которую в общем случае должны укладываться факты развития. Вначале мы рассмотрим общую причину изменения, уровня хозяйственного кругооборота, которая состоит в том, что (как мы выразились)

1. Schumpeter J. *Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung*. Leipzig: Duncker & Humblot, 1912.
2. Гипотез не измышляю (*лат.*) — принцип, которого придерживался, по его словам, Исаак Ньютон. — *Прим. перев.*

реализуются новые комбинации. Мы видим, что это осуществление новых комбинаций следует относить к деятельности особого типа хозяйствующих субъектов, названных нами «предпринимателями». Поведение предпринимателей существенно отличается от поведения прочих хозяйствующих субъектов; последним подходит схема, предлагаемая статической теорией для описания хозяйственной деятельности человека. Наконец, мы познакомимся с различными средствами, с помощью которых предприниматель (в нашем смысле) реализует новые комбинации в различных формах организации экономики. Пользуясь этими средствами, он переводит народное хозяйство на новые рельсы. Общим для этих средств является то, что, применяя их, можно принудить субъектов статической экономики служить новым целям.

Наш важнейший вывод: экономическое развитие действительно существует. Это означает, что картина всякого народного хозяйства изменилась бы определенным, уже известным для нас образом, и в том случае, если бы в мире неэкономическом никаких изменений не произошло. Данной концепции противостоит другая, которую можно сформулировать так: однажды установившееся экономическое равновесие сохраняется до тех пор, пока его не нарушит какая-нибудь внешняя помеха. Из второй концепции следует, что всякое изменение состояния народного хозяйства связано не с обстоятельствами, формально именуемыми чисто экономическими, а с другими. Так выглядело бы объяснение развития со статической точки зрения. Согласно этой точке зрения, экономика всегда приспосабливается однозначным и определенным образом к данному социальному, географическому, этнологическому, общекультурному окружению и изменяется только тогда, когда изменяется само это окружение, причем в той же степени. Причины и побудительные силы экономического развития заложены в среде, условиях и предпосылках экономики. Иными словами, число экономического развития, развития экономики самой по себе не существует, а имеется только единое социальное развитие, которое изменяет мир экономики. Оно проявляется во всех сферах национальной жизни и в каждой из них принимает особые, специфические формы. Прибой ощутим везде, в том числе и в экономике, хотя его причины нельзя вывести из самой экономики. В соответствии с этой концепцией чисто экономическое играет в развитии пассивную роль. Чисто экономические законы описывают определенное поведение хозяйствующих субъектов, чья цель — установить статическое равновесие и восстановить его, если оно было нарушено любой помехой. Эти законы подобны законам механики, которые объясняют, как ведут себя тяжелые тела под влиянием каких-либо «сил», но не вникают в природу последних. Как механика исходит из того, что тела, если на них не действует внешняя сила, сохраняют свое положение и не производят никаких новых феноменов механической природы, так и чистая политэкономия дает нам формальные законы того, как формируется экономика под влиянием заданных извне условий, и о реакции экономики на идущие извне изменения этих условий. В данной концепции чистая политэкономия исключает «развитие экономики изнутри» чуть ли не на понятийном уровне.

В самом деле, множество экономических процессов суть явления адаптации. Но как объяснение фактического развития экономики этот подход недостаточен. Весьма соблазнительно объяснять изменение экономики, тяготеющей всякий раз к иным состояниям равновесия, тем, что фактические материалы, исходные данные (*Daten*) изменились. Для того, кто не видит ничего, кроме статических процессов, такой подход вообще самоочевиден. И все же он бесполезен: когда он правилен — он ничего не говорит; когда же он что-либо говорит — он ложен. Верно, что все природные и социальные факторы придают экономике форму, верно и то, что она часть жизни народа. Но это вещь самоочевидная. Интересно более детальное исследование того, «каким образом» это происходит, но здесь данный подход терпит неудачу. Экономика зависит от разнообразных факторов. Это верно. Но то, что происходит в области хозяйства, в свою очередь воздействует на эти факторы живым и формирующим образом. Здесь налицо взаимодействие, а не каузальная цепь.

Разумеется, это не означает, что я отрицаю обстоятельство, связанное с изменением среды, или его влияние на хозяйство. Место, которое мы ему отвели в нашей картине, вполне очевидно. Следует различать два момента: либо народное хозяйство действительно приспосабливается чисто пассивным образом к постоянным изменениям среды — тогда мы имеем статическое явление, которое можем полностью понять с помощью средств статики. Но мы отличаем его от того, чем экономическое развитие является для нас *kat' exochen*³. Последнее понятие есть нечто иное, опирается на другой принцип; учитывать это, как легко можно догадаться, весьма полезно даже в том случае, если в действительности оба момента имеют место одновременно и совпадают. Изменение среды никогда не будет причиной развития, а представляет собой только поддерживающую силу⁴. А главное, оно никогда не объяснит данный процесс исчерпывающим образом.

Еще на одно объяснение развития может указать каждый, кто представляет господствующую педагогическую систему. Это классическое объяснение оставалось доминирующим вплоть до нашего времени, когда оно впервые получило осмысленную и систематическую формулировку⁵. Оно еще понятнее и доходчивее, чем только что рассмотренное, с которым оно, кстати, не имеет никаких противоречий. Это объяснение развития с помощью теории экономических элементов среды. Существует пять элементов среды, которые следует принимать во внимание: увеличение народонаселения,

3. По преимуществу, главным образом (*зреч.*). — Прим. перев.

4. Экономическое развитие народа никак нельзя исчерпывающим образом объяснить, исходя из подобных изменений среды, если они не обладают подавляющей мощью. Несчастные случаи преодолеваются, подарки судьбы рассеиваются в народной жизни и в жизни индивида, а ключ к объяснению происходящего лежит не в них.

5. См.: Clark J. B. *Essentials of Economic Theory*, 1907; а также: Pantaleoni M. *Di alcuni Fenomeni di Dinamica Economica // Giornale degli Economisti*. — Sett. 1909. Уже классики занимались проблемой развития. Как всегда, основы мы находим у Смита, более глубокий анализ — у Рикардо, а полную разработку — у Дж. Ст. Милля.

прирост капитала, развитие производственных методов, прогресс в экономической организации индустриального общества и развитие потребностей. Экономическое развитие происходит под воздействием данных моментов как бы автоматически и в согласии с правилами статики. В каждый момент существует устойчивое состояние равновесия, но пять моментов, указанных выше, толкают тяжелую массу экономики, уводя ее от данного состояния равновесия к новым уровням.

Мы могли бы рассматривать эту концепцию как теорию органического роста народного хозяйства. Тогда речь шла бы вообще не о постоянном состоянии равновесия, а о постоянном движении в равновесии. Представление о каком-то особом «гравитационном центре» было бы просто фикцией. Так, например, когда читаешь большой труд Маршалла, сразу создается впечатление, что концепция жесткого постоянства статической экономики просто не соответствует действительности. Сам Маршалл говорит, что в случае экономического равновесия речь идет не о *ad instar*⁶ механическом, а скорее о биологическом равновесии. Это может означать только то, что основной феномен хозяйства заключается в постоянном его разворачивании в хорошо сбалансированных пропорциях, а не в балансировании постоянных сил.

Пусть такая теория объясняла бы то, что она должна объяснять. Я постараюсь показать, что в качестве объяснения развития она недостаточна. Она раскрывает нам не глубокие основы развития, а его последствия или поверхностные и побочные явления.

Едва ли найдется экономист, который не увидел бы в увеличении народонаселения рычаг экономического прогресса. Когда ищут причины экономического развития, именно этот фактор первым бросается в глаза. Подтверждение можно найти и в научной литературе, и в популярных дискуссиях. В чем тут дело? Увеличение народонаселения сопровождается приростом спроса на потребительские товары и приростом рабочей силы, именно в этом может проявиться влияние данного фактора в области экономики. Рост рабочей силы увеличивает исходный фактор производства. Этот фактор, таким образом, становится для предпринимателя дешевле, а вся экономика получает возможность производить больше товаров. Даже если заработная плата вследствие роста рабочей силы сильно уменьшится, все же общая сумма зарплат в целом, как правило, увеличится, так что спрос, естественно, возрастет. Однако положение рабочего сословия может в результате ухудшиться, и перспективы экономического прогресса, на который рассчитывают в связи с увеличением населения, могут выглядеть весьма сомнительными. Тем не менее здесь можно говорить об экономическом развитии, об изменении картины экономики. Мы ведь не занимаемся обсуждением и оценкой прогресса⁷. Однако здесь важно уяснить, каким образом

6. Квази, наподобие (*лат.*). — *Прим. перев.*

7. Известна «пессимистическая концепция», господствующая всюду, где распространилось влияние Мальтуса. Но даже с его точки зрения необходимо признать, что движение населения является мотором развития, пусть при определенных обстоятельствах оно также приводит к нужде и нищете.

будет использоваться рост рабочей силы. Если произойдет только увеличение населения и возрастет предложение труда, то основы системы народнохозяйственных стоимостей не слишком изменятся, и дополнительная рабочая сила будет направлена туда, где служила уже имевшаяся рабочая сила, или для нее будут изысканы другие известные виды применения, которые по своей стоимости непосредственно примыкают к использовавшимся до сих пор. Таким образом, в целом сохранится та же самая система стоимости, разве что для тех хозяйствующих субъектов, которые извлекают выгоду из низкой оплаты труда, повысится степень удовлетворения потребностей. Этот процесс уже детально и, в сущности, верно описан классиками. Падать будут цены на те продукты, в которых велика главным образом доля труда; и наоборот, будут расти земельные ренты, поскольку благодаря новым рабочим увеличится спрос на продукты земледелия и поскольку другие люди — например, те промышленники, которые теперь начнут расширять свои предприятия также будут вынуждены поддерживать повышенный спрос на землю. Классики думали об этих последствиях, и то, что они думали только об этих последствиях, доказывается тем обстоятельством, что все они — и прежде всего, разумеется, Мальтус — негативно, до определенной степени, оценивали увеличение населения. И совершенно справедливо, ибо если действительно не наступают никакие последствия, кроме описанных, то вскоре заявит о себе давление рабочих масс на существующую организацию производства. Положение рабочих из-за снижения заработной платы и роста цен на продукты питания ухудшится вдвойне, и, вне всякого сомнения, возникнут последствия, которые изображал Мальтус. Столь же несомненно и то, что только землевладельцы ощутят существенное улучшение своего положения.

Но может произойти и нечто иное. Увеличение населения может дать толчок к преобразованию экономики, которое будет способствовать тому, что возросшая масса людей в той же области почувствует себя гораздо лучше, чем раньше небольшая. Это мы как раз и наблюдаем в действительности, а потому здесь должен иметься еще и другой ряд последствий. Прежде всего мы теперь констатируем: то обстоятельство, что классики удовлетворяются первым рядом последствий, лучше всего доказывает, что они ограничиваются статическими исследованиями и что перед их глазами не было ничего, кроме статического хозяйства. Но затем становится ясно, что другие последствия могут возникать только тогда, когда экономика не просто пассивно адаптируется к росту населения, когда она ведет себя не просто статически, но активно реагирует. А это означает, что начинается развитие в том смысле, как мы его понимаем. Ничто не демонстрирует лучше, что наша концепция в конечном счете примыкает к классикам, развивая их дальше. Для того чтобы появился другой ряд последствий, должна произойти перестройка в экономике. Обнаружив, что благодаря снижению зарплаты некоторые вещи теперь упростились, предприниматель может приступить к реорганизации. Если же он этого не сделает и откажется от подобной творческой деятельности, то действительно не произойдет ничего другого, кроме давления на все

народное хозяйство. Плодотворность нашего разделения статики и динамики внутри экономических процессов проявляется, таким образом, и здесь.

Итак, мы оказались перед следующей альтернативой: если прирост населения оказывает только статическое влияние, то настоящего развития не происходит, но если оно все же имеет место, то его процессы могут быть объяснены лишь с помощью нашей теории. Рост населения не может рассматриваться в качестве независимой и непосредственной причины экономического развития. Но это еще не все. Рассуждая о значении сбережений, мы говорили, что важность этого феномена связана лишь с идущим процессом развития и люди делали бы гораздо меньше сбережений, если бы этого развития не происходило. Нечто подобное следует сказать относительно изменений в народонаселении. Прирост населения был бы значительно меньше фактического, если бы всякий раз перед этим благодаря экономическому развитию уже не создавалось бы экономического пространства для новых людей. Развитие всегда порождает новые формы, новые варианты занятости, более богатые запасы товаров, и в соответствии с этими возможностями население вступает в новые формы народного хозяйства. Нового этим мы ничего не сказали. Уже Маркс лапидарно заметил: «Населения благодаря капитализму выростали как из-под земли» (*Der Kapitalismus hat Bevölkerungungen aus dem Boden gestampft*)⁸. Это в самом деле так, и причинная взаимосвязь просматривается также весьма отчетливо. Развитие и частично его последствия (*Rückwirkungen*) в целом облегчают создание семей, они создают возможности, которыми затем могут воспользоваться отдельные индивиды. Прирост народонаселения является следствием, а не причиной развития, по крайней мере, в принципе. Прирост этот может затем дать импульс для дальнейшего развития, но это будет опять-таки только дальнейшее последствие уже происходящего развития, которое, в свою очередь, инициирует новое развитие. Но поскольку это не так, поскольку население, вне зависимости от экономического потенциала, растет, то справедливо сказанное выше. При всех обстоятельствах рост населения не является первоначальной и в принципе любопытной причиной экономического развития.

Таким же образом изобретения⁹, если они имеют практическое значение для хозяйства, не инициируют экономического развития, а, скорее, являются его следствием. Изобретения появляются, когда предприниматель в них нуждается, но все упирается в личность предпринимателя; и если он не горит желанием воспользоваться всяким новым изобретением, то изобретения никогда не найдут практического применения. Не изобретения сотворили капитализм, а капитализм сотворил необходимые для него изоб-

8. В «Манифесте Коммунистической партии» говорится: «...ganze aus dem Boden hervorgestampfte Bevölkerungungen» — «...целые, словно вызванные из-под земли, массы населения» (Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.* 2-е изд. Т. 4. М., 1955. С. 429). — *Прим. перев.*

9. Практический прогресс в производственных методах, т. е. прогресс, который непосредственно осуществляется предпринимателем (без использования новых научных знаний), есть не что иное, как один из различных видов новых комбинаций. Это не «причины», а внешние формы развития.

ретения. Противоположное впечатление возникает лишь потому, что мы знакомы только с экономикой, пронизанной развитием, а здесь дела идут столь живо и проворно, что мы не всегда можем отличить причину от следствия. Все технические и коммерческие предпосылки для утилизации нового изобретения уже готовы, проследить путь от какого-либо изобретения к определенному индустриальному процессу не составляет большого труда. Но это не должно вводить нас в заблуждение относительно сути дела, даже если на первобытной стадии культуры и в рамках статического народного хозяйства было не так. Мы должны признать, что богатство новых комбинаций, новых технических изобретений только частично являются следствием развития. Разумеется, сумма технического знания умножается самостоятельно и автоматически, как было в статической экономике. Но даже если новые изобретения там вообще смогли бы получить практическое применение, факт их наличия стал бы лишь толчком к развитию, возможностью для новых предприятий. Сам же процесс развития и его движущую силу и в этом случае следовало бы искать где-то в другом месте, а именно в личности предпринимателя. Без людей, годных к роли лидера, подобные изобретения были бы мертворожденным плодом. Это тысячекратно подтвердилось историей страданий изобретателей на первобытной стадии развития культуры. Тоже можно сказать и о прогрессе в технической и коммерческой организации хозяйства. Поскольку в нем заложен некий независимый элемент, экономика будет просто приспособливаться к нему статическим образом, а если она этого не делает, то причина кроется не в прогрессе самом по себе, а в предпринимателе или в уже текущем развитии.

Теперь мы в состоянии продемонстрировать несостоятельность концепции, которая явно или по умолчанию является, несомненно, господствующей. Это убеждение в том, что в прогрессе технологии и организации заложен независимый элемент, который содержит закон своего развития в самом себе и в значительной степени зависит от прогресса нашего знания. Комбинация, оптимальная на данном уровне нашего знания, образует в соответствии с этим как бы центр притяжения, вокруг которого группируются существующие комбинации, более или менее приближаясь к нему; а по достижении его всякий раз возникает автоматическая тенденция, соответствующая тенденции к достижению состояния равновесия в статической экономике согласно нашей концепции. Это не вполне корректно, поскольку автоматического прогресса не существует или он существует в совсем незначительной мере. Разумеется, если статический хозяйствующий субъект обнаружит возможность получения явного преимущества, он постарается добиться его и соответственным образом изменит метод своего хозяйствования. Он приложит все усилия и преодолит всевозможные препятствия. Но, во-первых, подобные преимущества, которые замечает хозяйствующий субъект, столь многочисленны и столь явно представлены в нашей экономике только потому, что развитие — явление всем известное, что многие о нем слышали, его видели, его успехи у всех перед глазами. В неподвижном статическом народном хозяйстве подобные возможности встречались бы спо-

радикальски и к ним бы не так охотно прибегали, — это мы сейчас наблюдаем на примере ремесленников, крестьян, малых и устаревших фабрик. Во-вторых, мы ведь не отрицаем, что такое движение в сторону использования в народном хозяйстве усовершенствованных методов производства сохраняется и в статическом состоянии, вот только это движение очень напоминает геологические метаморфозы. Масса статических хозяйствующих субъектов бесконечно медленно достигает центра тяготения, и этим движением можно полностью пренебречь в сравнении с бодрым живым движением, исходящим от личностей и не представляющим собой постоянной адаптации.

Но больше, чем все остальные факторы, фактор прогрессирующего развития потребностей, как кажется, представляет собой рычаг, который сам по себе объясняет экономический прогресс. Всякий теоретик, который исходит из фактора потребительной стоимости в статике, само собой обратится к этому моменту. Теоретик, который захотел бы пойти таким путем, не беспокоился бы об опоре. Психология предлагает ему закон гетерогонии целей¹⁰, гласящий, что в области психологии не существует аналога закону сохранения энергии. Этот момент детально разработан особенно в социально-психологических и социологических исследованиях, и осталось внедрить его в экономическую теорию. Тогда у нас появилась бы возможность независимого объяснения развития. И точно так же, как и в нашем случае, экономическое развитие объяснялось бы исходя из этого психологического факта, как функционирование статической экономики — из простого факта наличия самих потребностей.

Нет недостатка и в фактах, которые могли бы верифицировать этот подход для экономики. Нетрудно заметить, что в действительности удовлетворение всякой потребности выносит на поверхность новые потребности, что всегда после удовлетворения одной потребности появляются другие, которых раньше вообще не ощущали. Можно считать достоверно установленным, что удовлетворение потребностей как бы расширяет экономический кругозор и порождает новые потребности, что удовлетворение потребностей создает ситуации, в которых обнаруживаются новые возможности, а в результате появляются и новые потребности. Стремление улучшить свою экономическую ситуацию, ощущаемое повсюду на опыте повседневной жизни может быть объяснено подобным же образом. Если человек попадает в незнакомую экономическую ситуацию, он поначалу пытается приспособиться к ней, какова бы она ни была. Затем, естественно, он будет осматриваться и пытаться что-то усовершенствовать в своем положении. Он как бы входит в новую духовную среду, которая приучает его к другим потребностям; и если учесть, что потребности и вид их удовлетворения у других

10. См.: Вундт. *Этика*; затем его же. Система философии и, наконец, его же *Логика (II)*. С. Н. Паттен (Patten S. N. *Consumption of Wealth*) изучал главным образом дифференциацию потребностей с экономической точки зрения, но, на мой взгляд, многого не добился. См. также: Clark J. B. *Essentials of economic Theory*. P. 206. Непроанализированный факт расширения потребностей без глубокого исследования просто берет-ся на веру. Вундт на основе этого беспечно делает далеко идущие выводы.

немедленно производят заразительное действие на хозяйствующих субъектов по соседству, то в конце концов начинаешь верить, что этот момент абсолютно достаточен для объяснения экономического развития. Когда мы обсуждаем этот момент, мы должны помнить, что в таких исследованиях в настоящее время строгое доказательство, исключаящее любое возражение, невозможно. Последнее решение всегда зависит от общего впечатления, производимого определенной картиной действительности, — соответствует она реальности или нет. Подобная ситуация совсем не редкость в области социальных наук. Часто можно приводить оппоненту контрдоводы, опровергающие его мнение, однако, вынудить его отказаться от него невозможно, ибо при любых обстоятельствах можно привести какие-нибудь аргументы в защиту любого, даже совершенно неосновательного мнения.

Прежде всего, мы можем лишить эту теорию той опоры, которую ей обеспечивает психология и особенно социология. Ведь закон гетерогонии целей не является, таким твердо установленным достижением, как, скажем, закон насыщения потребностей. Он строго не доказуем, он опирается на прямые социальные наблюдения, просто на тот факт, что в ходе развития человеческие потребности расширяются. Это не закон, который базируется на анализе, восходящем к предельным основаниям, это только проявление действия определенной группы социальных фактов. Но тогда он обладает не большим авторитетом, чем ему может придать эта группа фактов, и ему могут быть предъявлены аналитические и иные возражения. Вот почему мы не можем подкрепить этим законом наше объяснение экономических процессов, — ведь он сам является только проявлением экономических и иных социальных процессов. И говорить, что в силу закона гетерогонии целей экономические цели обладают собственной исконной способностью развития, является поэтом *petitio principii*. Такой опорой едва ли можно пользоваться в экономической области, и мы не столько опровергаем его, сколько предостерегаем от его применения.

Итак, остаются только те факты, на которые эта теория может опереться, и вот они-то в первую очередь и нуждаются в анализе. Прежде всего, едва ли правильно говорить, что удовлетворение потребностей «порождает» новые потребности. Разумеется, это относится к обычным потребностям. Если назвать «новыми» потребностями потребности ближайшего экономического периода, то, разумеется, удовлетворение потребностей порождает новые потребности. Но здесь новые потребности называются иными или возросшими потребностями, то есть более дифференцированными, и они не порождены удовлетворением потребностей. Мы можем пояснить это следующим образом: если в результате каких-либо обстоятельств доход хозяйствующего субъекта возрастает, он может удовлетворить большее количество потребностей. Если он привыкнет к этому приросту удовлетворения потребностей, то его потребности будут постоянно возрастать. Но суть вопроса состоит в том, что уже имевшиеся менее насущные потребности, которые до сих пор не удовлетворялись, благодаря возросшим средствам становятся практически достижимыми. Они не порождаются заново, они

лишь выходят на поверхность. Это становится возможным благодаря росту располагаемых средств, который и есть первичная причина (*Prius*). Данный процесс всегда замечают в ходе развития, и этот процесс очевидно лежит в основе гетерогонии целей. Развитие расширяет и углубляет поток благ (*Güterstrom*), и все большее количество потребностей могут быть удовлетворены. Но это еще не означает, что эти потребности раньше не существовали, они вызрели в ходе удовлетворения старых потребностей и стали затем самостоятельной причиной развития. Однако сначала следует доказать это еще до того, как мы сможем выдвинуть удовлетворение потребностей в качестве самостоятельной причины развития. Кроме того, здесь имеется еще одно обстоятельство: когда хозяйствующие субъекты видят вокруг себя энергичное развитие и как его следствие — рост удовлетворения потребностей у других хозяйствующих субъектов, это может подхлестнуть и их. Этот импульс, однако, не позволяет дать окончательного объяснения развития, самое большое — он может привести к вторичным явлениям развития.

Ясно, куда мы клоним: развитие потребностей, которое мы в действительности наблюдаем, есть результат уже существовавшего экономического развития, но не его мотор. Тот факт, что человеческое хозяйство веками оставалось неизменным, придает нашим аргументам решающий вес. Если же однажды развитие началось, то, конечно, в конкретных случаях ему предшествовало развитие потребностей, давая импульс для специфических хозяйственных процессов. Но в принципе потребности следуют за экономическим развитием и пробуждаются именно им. Расширение потребностей есть побочное следствие развития. Не вызывает сомнения, что в отдельном случае конкретный спрос может вызвать к жизни новую индустрию. Так, спрос крупных государств на продукцию сталелитейной отрасли привлек к себе интерес промышленности. Здесь, безусловно, налицо приоритет спроса, и все же для создания крупных предприятий, которые мы видим сегодня, нельзя было обойтись без сильных личностей, без лидеров. Конкретную форму и структуру этих предприятий невозможно объяснить только лишь повышением спроса.

Итак, от концепции объяснения развития с помощью теории экономических элементов нет никакого прока, хотя, казалось бы, кажущихся верификаций ее предостаточно. Она в большей мере, чем думают, основана на фактах, которые являются результатом и следствием экономического развития. По сравнению с этим можно считать пустяком то, что она (как и теория среды) оставляет без объяснения важные явления чисто экономического характера или, что еще хуже, несет ответственность за неудачные объяснения. Хотя упоминавшиеся пять моментов и обладают определенным собственным движением, это ничуть не мешает нашей теории. Об этой концепции развития, можно сказать то же самое, что и об изменениях внеэкономических факторов. Все изменения данных либо порождают в народном хозяйстве статические движения адаптации, либо становятся стимулом для создания новых комбинаций. В первом случае их влияние можно рассматривать как «мешающую причину». Это имеет место тогда, когда изменения

данных небольшие или происходят постепенно¹¹. Во втором случае они действуют не сами по себе, но только по воле предпринимателя.

Ни в одном случае экономическое развитие не объясняется изменением данных. Более того, экономическое развитие возможно даже при постоянстве данных. Но развития, которое мы видим в действительности, не бывает без фактов, на которые опирается наша теория. На деятельность и инициативу [человеческого] типа, названного нами «предпринимателем. История промышленности связана с людьми, с их энергией воли и действия — этой сильнейшей и блестящей реальности хозяйственной жизни. Экономика вырастает и приобретает все более сложные формы не сама собой. Ее нельзя вылепить из мягкой глины с помощью изменяющихся данных. Ни данные сами по себе, ни катаклическая логика, вытекающая из данных, не определяют экономическую судьбу народов. Простое изменение данных мало что значит. Возможности, возникшие благодаря изменению данных, незаметно проскальзывают мимо статически хозяйствующего субъекта и не используются им. Так, открытия золотых месторождений сами по себе мало чем помогли их открывателям. Вот почему какое-либо изменение в ходе экономической политики крайне редко создает или разрушает промышленность¹².

Экономическое развитие существует как особое явление и как особая чисто экономическая проблема. Ни великая мысль, предлагающая рассматривать экономику как результат изменений окружающей среды, ни допущение имманентного экономике — «органического» развития не в состоянии справиться с многочисленными фактами, ждущими своего объяснения. Последние могут быть описаны единообразно на основе иных теоретических принципов, и наряду с теоретическим зданием статистики можно соорудить теорию развития, обладающую теми же недостатками. Как и статика, она не объяснит всех фактов развития. Во-первых, она не объяснит индивидуальные факты, ибо наша теория развития есть только общая мыслительная схема. Во-вторых, она охватывает не все стороны фактов, с которы-

11. См.: *Сущность*, книга IV (имеется в виду книга Шумпетера «Сущность и основное содержание теоретической политэкономии» («Wesen und Hauptinhalt der theoretischen Nationalökonomie», 1908. — *Прим. перев.*)

12. Однако нет ничего более привычного, как рассматривать подобные события в качестве «причин». Так, введение свободной торговли в Англии (обратите внимание, что это легко проверить) или системы покровительственных пошлин в Соединенных Штатах часто восхваляют как причину фактического развития. В политических аргументах это опирается на весьма ясные мотивы. Научному наблюдателю, напротив, надо указать, что значение подобных событий нетрудно переоценить. Как в народных сказаниях всевозможные события группируются вокруг одной фигуры, так общественное, да и научное мнение подобным же образом группирует явления какого-нибудь периода вокруг некоторых заметных внешних событий. Однако, ссылка на подобное событие ничего не объясняет. Решающее значение имеют «как» его воздействия и пути его влияния. Действительно, общим местом стало, что экономико-политические законы действуют весьма по-разному у различных народов. Отсюда проистекает и всеобщее пренебрежение к теоретическим результатам. Но вместо того, чтобы пренебрегать Теорией, следовало бы лучше исправить имеющиеся теории.

ми имеет дело, но только те, которые видны с определенной точки зрения. В-третьих, она даже не фиксирует все виды фактов, факты ошибок, факты чисто этической природы и так далее. Она противостоит действительности подобно статике. Мы должны были бы повторить по ее поводу все то, что говорилось в отношении статики в ходе вековой борьбы. Но все необходимые абстракции и ограничения, на которые мы пошли, были обусловлены только стремлением ясно проанализировать реальное и единое явление и показать, что источник экономического развития находится прежде всего в самой экономике и ни в чем другом.

Вся структура нашего рассуждения показывает, что динамического равновесия не существует. Развитие по самой его внутренней сущности есть нарушение существующего статического равновесия, причем не наблюдается тенденции к восстановлению прежнего или вообще какого-либо другого состояния равновесия. Оно изменяет данные статической экономики не путем органической перестройки, но путем нового сотворения, так сказать, неорганически. Развитие стремится выйти из равновесия. Это нечто иное, чем то, что можно было бы назвать органическим развитием, и ведет куда-то по другим колеям. Если же состояние равновесия возникает вновь, то обусловлено это не пружинами самого развития, а реакцией против него, другими силами, которые как раз и препятствуют ему и в результате создают предпосылки для установления равновесия. Когда начинается развитие, первое, что происходит, это нарушение равновесия экономики. Развитие и равновесие, как мы их понимаем, суть, таким образом, противоположности, исключаящие друг друга. Ни статическая экономика не определяется через статическое равновесие, ни динамическая экономика — через динамическое равновесие, в экономике существует только одно равновесие. Равновесие экономики есть эссенциально статическое. Это следствие наших рассуждений, которое только потому производит несколько странное впечатление, что в других областях, где используются термины «статика», «динамика» и «равновесие» и откуда мы заимствуем эти слова, сама проблема совершенно иная. Там эти понятия имеют совершенно иной смысл и используются совершенно по-другому.

Третье общее положение, которое справедливо для явления экономического развития (первое заключалось в том, что действительно существует чисто экономическое развитие, второе — что это развитие эссенциально является нарушением равновесия) гласит: экономическое развитие не есть органическое единство в его целостности, а состоит из следующих друг за другом, но относительно самостоятельных частичных развитий. В соответствии с этим развитие экономики протекает как бы волнообразно, причем каждая из волн живет своей собственной жизнью. Уровень экономики изменяется как бы рывками, и общую картину экономического развития народа можно было бы изобразить не в виде постоянно восходящей кривой, подчиняющейся единому закону, а в виде примыкающих друг к другу фрагментов кривой, каждый из которых имеет особую форму, хотя благодаря характеру механизма, породившего развитие, формы эти похожи друг

на друга. В действительности политические и другие внеэкономические события постоянно нарушают совершенную непрерывность экономического развития. Но даже в отсутствие подобного вмешательства извне развитие не было бы цельным и непрерывным. Однако нельзя исключить и того, что при наблюдении в течение длительного периода можно обнаружить некое единое направление процесса развития, как мы его понимаем. Не выходя за рамки нашей картины, заметим, что при соединении друг с другом максимумов или минимумов фактического движения связующая линия обнаружит единую форму, описываемую единым законом. Но для нас важно, что единство плана существует только для каждого частичного развития и что в сознании хозяйствующих субъектов только это единство обладает реальностью, в то время как другое, более крупное (суммарное) единство не следует сводить к единству плана и к единообразным действиям людей, оно может представляться наблюдателю (но совсем не обязательно) как особое явление. Если мы хотим придерживаться того, что соответствует реальным процессам и реальным намерениям хозяйствующих субъектов, то мы не вправе говорить о суммарном развитии как о некоем органическом единстве, так же как мы, к примеру, не можем говорить о народном хозяйстве как об экономическом единстве. Если в последнем случае экономика народа приводит к тем же конечным результатам, как если бы она сознательно направлялась одним хозяйствующим субъектом, то и здесь мы имели бы только эмпирический результат, который с точки зрения основ теории может наступить или не наступить. Реальным фактом является то, что в рамках народного хозяйства должно иметь место единое восходящее движение и его мы можем объяснить. Но вот мы наблюдаем, что это движение прерывается и что спустя некоторое время начинается новое восходящее движение, которое связано с исполнением других планов, обусловлено другими факторами и, возможно, выглядит совершенно иначе, чем прежде. Для экономически активного человека вообще совершенно невозможно строить планы по отдельному частичному развитию и что, напротив, все эффективные предприятия истощают свои силы на той фазе развития, на которой они находятся. Если мы хотим описать действительную ситуацию, то подходит только картина волнового движения, а не единая кривая. В общем случае чередующиеся гребни и впадины волн будут выше, чем предшествующие. Дело в том, что каждое дальнейшее экономическое развитие находит среди своих исходных данных достижения предыдущего развития. То обстоятельство, что отдельные фазы развития пересекаются друг с другом, наверняка будет способствовать их сходству, но суть дела заключается ведь в том, что восходящее движение в сильных экономиках состоит не в одном мощном взлете, но представляет собой череду заметных и самостоятельных рывков.

Более крупные, более «секулярные» восходящие и нисходящие движения в жизни народов суть явление, которое нельзя было бы понять с экономической точки зрения¹³. Они стоят за сменой фаз экономического развития,

13. См. об этом: Schmoller, Grundriß. Bd. II.

которые мы здесь рассматриваем. Разумеется, они оказывают определяющее действие как повсюду, так и в области экономики. Именно они, с одной стороны, порождают мощные импульсы для новых действий, а с другой — объясняют медленное затухание их у некоторых народов. Развитие, его воздействие на всех участников и его конкретные внешние проявления являются поэтому в значительно более высокой степени национально окрашенными, чем процессы статического кругооборота. Но эти восходящие и нисходящие движения, о которых в первую очередь думает историк, когда речь заходит о развитии, не совпадают с нашими фазами развития. Мы описывает только экономический процесс, который зависит от отдельных элементов экономической жизни.

Это формальная природа процесса, который периодически революционизирует и заново формирует промышленную жизнь. Он влияет на все области, создавая повсюду новые жизненные формы. Его глубочайший смысл состоит в создании новых видов и увеличении количества благ, а также в реорганизации народного хозяйства в сторону все большей технической и коммерческой целесообразности. Ведет ли развитие к социальному благополучию или к социальной нужде, к расцвету или убожеству национальной жизни, решает конкретное содержание развития. Но прежде всего наше рассуждение не содержит никакой оценки. Даже если имело бы смысл употреблять термины «развитие» и «прогресс» как синонимы, мы будем говорить здесь только о «развитии». Пусть даже какой-нибудь внешний наблюдатель увидит в результатах последовательных фаз развития все более совершенные явления, мы можем точно лишь сказать, нравится ли нам новое больше, чем старое.

Развитие необходимым образом порождает прибыль на стоимости (*Wertgewinn*). Но почти всегда и потери на стоимости (*Wertverlust*). Причем и то и другое встречается в закрытом — скажем, коммунистически организованном — народном хозяйстве. Старые производственные процессы упраздняются в пользу новых. Более совершенные источники снабжения вытесняют менее эффективные. Это в общем случае приводит к обесцениванию уже имеющихся товаров, а зачастую к их выбраковке еще до того, как они износились. Этот процесс приносит с собой убытки. Такие вещи встречаются, разумеется, и в рамках промышленного производства: предприниматель, который продает свои еще вполне годные машины как металлолом, чтобы вместо них установить более совершенные, поначалу терпит убытки. Но в этих случаях подобные потери в стоимости представляют собой, как правило, величины, поддающиеся расчету, ибо они должны принести, разумеется, ожидаемую прибыль, превышающую убытки. В коммунистическом народном хозяйстве, следствием развития оказывается только прибыль. Размеры убытков хотя и вполне существенны и играют роль в балансе экономики, но никому не приходит в голову сожалеть о них — это было бы столь же бессмысленно, как сожалеть, что для приготовления яичницы пришлось разбить несколько яиц. Если уж на то пошло, то здесь можно было бы говорить о прогрессе.

В рыночном хозяйстве, особенно в капиталистической экономике, ситуация иная. Уже само понятие «реорганизация в направлении целесообразности» имеет здесь несколько другое содержание. Целесообразность тут определяется с точки зрения предпринимателя. Это приводит к последствиям, не согласующимся целями народного хозяйства. Как правило, предприниматель получает свою прибыль благодаря тому, что он служит народному хозяйству, которое представлено интересами потребителей. Он производит более дорогие товары или снижает издержки. Но встречается исключение. Действие предпринимателя может состоять и в том, что он управляет какой-нибудь отраслью промышленности монопольно. Какую бы выгоду это ни принесло, непосредственно это означает нарушение интересов потребителей. Данный вопрос достаточно известен и постоянно обсуждается. Нужно только подчеркнуть, что и в другом отношении целесообразность в рыночном хозяйстве формируется иначе, чем в коммунистическом. Оно ориентировано не только на потребности потребителей, но и на то, чтобы их средства способствовали увеличению спроса, тогда как в коммунистической экономике очевидно равным образом учитываются потребности всех членов общества. Но вне зависимости от этого рентабельность всегда есть показатель народнохозяйственной эффективности.

Однако прибыль и убытки не всегда выпадают, а в большинстве случаев никогда не выпадают на долю того же самого хозяйства. Судьба многих хозяйствующих субъектов связана со старыми товарами, но особенно — с устаревшими формами управления и отжившими методами производства. Прибыль и убытки проявляются поэтому раздельно и становятся основой двух раздельных движений — восходящего и нисходящего — для хозяйствующих субъектов. Восходящее движение поддерживается той стоимостной волной, которая возникает из прибыли предпринимателя и процентов на капитал. Оно ведет новых хозяйствующих субъектов к вершинам индустриального общества. Оно является ведущей экономической силой процесса, который мы можем непосредственно наблюдать в любом современном народном хозяйстве, — процесса образования капиталистического богатства со всеми его сопутствующими проявлениями. Прибыль предпринимателя и проценты на капитал суть непосредственные плоды процесса развития. Все другие виды прибыли, которые следуют из него в конце концов также поглощают все эти «плоды», образуют в своей совокупности то, что называют приростом стоимости (*Wertzuwachs*), *unearned increment*¹⁴. Однако это выражение применяют лишь к приращению ренты или квазиренды, а не к приращению заработной платы. С экономической точки зрения, во всех этих случаях имеет место один и тот же феномен, одно и то же увеличение дохода без чьей-либо личной «заслуги». Феномен прироста стоимости покоится, таким образом, на двух факторах: на только что названном и на факторе статического роста народного хозяйства, который, однако, способствует только росту доходов, получаемых благодаря природным

14. Незаработанный прирост (стоимости) (англ.). — Прим. перев.

ресурсам (*Naturgabe*), а не оплате труда рабочих. Народное мнение относительно *unearned increment* правильно: это не премия за какое-то достижение, а просто следствие процессов, в которых не ставилось в качестве предварительного условия достижение данной цели.

Согласно нашей теории, еще до того, как предприниматели получили свою прибыль, рабочие должны получать более высокую заработную плату, а землевладельцы — более высокую земельную ренту. А это привело бы к росту цен на товары, которые хотели бы купить рабочие и землевладельцы. Действительно, наша теория приводит к тому выводу, что всякий период взлета должен идти рука об руку с ростом уровня цен. И каждый знает, что этот вывод убийственно подтверждается, убийственнее, чем это нужно было бы для того, чтобы убедить нас в реалистичности и верности нашей картины.

Этот процесс содержит путаницу следствий, которые частично работают друг против друга, так что конечные изменения цен почти всегда имеют лишь номинальный характер. Прежде всего большим денежным доходам противостоят не большие количества товаров, особенно тогда, когда речь идет об изолированном народном хозяйстве. Приподнятое настроение, характерное для периода взлета, объясняется скорее воздействием на массы будоражающей деятельности, красивых видений и иллюзий, вызванных более высоким уровнем цен, а не реальным улучшением благосостояния. С другой стороны, повышение заработной платы и ренты не является чисто номинальным. Не говоря о том, что обе ветви доходов могут смещаться относительно друг друга. В народном хозяйстве имеется твердый доход, более или менее постоянные прибыли, реальное значение которых может быть урезано ростом цен. Ведь в действительности механизм, который мы описываем, работает не так уж четко. Имеются рудименты набухания стоимостей как следствие прежнего развития, остатки прежних прибылей предпринимателей, квазиренды на производимые товары, избытки любого рода, которые в действительности конкуренция сметает не сразу. Затем имеются еще и доходы, которые лишь медленно реагируют на импульс развития, например, доходы государственных служащих и многое другое. Государственные и ипотечные кредиторы не могут участвовать в повышении процентных ставок на уже твердо установленные суммы и так далее. За счет всех этих элементов доля рабочих и «земельных баронов» *in praxi* реально и существенно повышается.

К тому же в действительности развитие, по меньшей мере на первых порах, начинается в локально весьма ограниченных областях, и рост заработной платы, а особенно ренты, идет на пользу только меньшинству рабочих и землевладельцев, тогда как соответствующий рост цен хотя и не сразу и не радикально, но все же больше, чем упомянутый рост доходов, начинает зависеть от снабжения. В таких областях вскоре появляются симптомы общего взлета.

Этот факт хорошо известен, причем давно. Адам Смит описывает его в восьмой главе первой книги *Wealth*¹⁵ следующими словами: «It deserves

15. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations (Исследование о природе и причинах богатства народов, 1776). — Прим. перев.

to be remarked, perhaps, that it is in the progressive state, when the society is advancing to further acquisition, rather than when it has acquired its full complement of riches, that the condition of the labouring poor ... seems to be the happiest and the most comfortable. It is hard in the stationary, and miserable in the declining state, the progressive state is in reality the cheerful and the hearty state to all the different orders of society. The stationary is dull, the declining melancholy (p. 83 ed. Cannan)¹⁶. Какая прекрасная и сильная трактовка факта! Но как она характерна для трудов А. Смита, о которых один мыслитель, любивший до всего докапываться, уже в 1834 году заметил сурово, но справедливо: «Его метод похож на метод естествоиспытателя, который хочет исследовать природу ветра и при этом допускает его наличие как общеизвестный факт, а свою задачу видит лишь в том, чтобы связывать и упорядочивать различные относящиеся к этому явлению факты, известные благодаря повседневному опыту»¹⁷. Во-первых, А. Смит переоценивает наблюдение, реальный базис которого, как мы видели, весьма узок. Во-вторых, он абсолютно неверно понимает сущность факта, а потому ставит его во взаимосвязь с совершенно иными вещами, среди которых этот факт теряется. Он доходит до того, что утверждает следующее (p. 71 fg. *ibid.*): «It is not the actual greatness of national wealth, but its continual increase, which occasions high wages»¹⁸. Прежде всего это не имеет никакого отношения к факту, о котором думает и А. Смит, ибо здесь рассматриваются не периоды подъема, которые-то и ведут к нему, а «секулярное» восходящее движение. Попытка верификации на примерах Америки и Китая ничего не доказывает или доказывает лишь то, что те общие фразы были результатом не тщательного анализа, а непосредственного, причем поверхностного, наблюдения. Ибо высокий уровень заработной платы в Америке связан и порожден, очевидно, недостатком рабочих мест в сравнении со спросом [на них], а не ростом последнего; обратная ситуация в Китае. Решающим является не столько «богатство» (запас товаров) народного хозяйства, сколько уровень предпринимательской деятельности. И наконец, утверждения А. Смита вооб-

16. «Следует, пожалуй, отметить, что положение рабочих, этой главной массы народа, становится, по-видимому, наиболее счастливым и благоприятным скорее при прогрессирующем состоянии общества, когда оно идет вперед, в направлении дальнейшего обогащения, чем когда оно приобрело уже всевозможные богатства. Положение рабочих тяжело при стационарном состоянии общества и плачевно при упадке его. Прогрессирующее состояние общества означает в действительности радость и изобилие для всех его классов, неподвижное состояние общества лишено радости, а регрессирующее — полно печали» (Смит А. *Исследование о природе и причинах богатства народов*. М.: ЭКСМО, 2007. С. 132). — *Прим. перев.*
17. Джон Рэ (John Rae). См.: Introduction и «Of science versus Systembuilding» in: The sociological Theory of Capital (1905) — так назвал книгу Рэ ее издатель Микстер (Mikster).
18. «Не размеры национального богатства, а его постоянное возрастание вызывает увеличение заработной платы за труд....В стране, обладающей значительным богатством, которое, однако, в течение продолжительного времени не возрастает, мы не можем встретить очень высокую заработную плату» (Там же. С. 122, 123). — *Прим. перев.*

ще справедливы только при допущении, что при более высоких зарплатах число рабочих увеличивается. Это может быть правильным или неправильным, но наверняка это убивает сам факт в его своеобразии. А. Смит часто так делает. На каждом шагу у него встречаются факты деловой жизни, умело истолкованные и помещенные в гербарий науки. А его последователи не сумели воспользоваться этим богатством, поэтому задача будущего — оживить некоторые засохшие веточки с дерева А. Смита. Теория, возможно, пошла бы другим путем, во всяком случае она была бы гораздо плодотворнее в практическом отношении, если бы сохранила весь широкий базис «Wealth», вместо того чтобы перерабатывать только некоторые немногочисленные группы фактов. Но сам А. Смит во второстепенных вещах вряд ли делал нечто большее, чем простое перечисление результатов делового повседневного опыта, часто в ложной перспективе. Многое он вообще не объясняет, в других вещах просто скользит по поверхности, а немало вещей объясняет совершенно неудовлетворительно, если не ложно.

Эти замечания я мог бы присовокупить также к любому другому из многих примеров, которые можно найти у А. Смита в пользу того, что свежее и первоначальное наблюдение в тысяче мелких черт подтверждает нашу теорию. Но наверняка уже формальный характер нашей картины служит препятствием тому, чтобы с ее помощью объяснять слишком много конкретных процессов. Поэтому я не думаю дать что-либо вроде теории уровня заработной платы, который, разумеется, зависит от конкретных, не содержащихся в нашей картине моментов. Касательно уже сказанного я утверждаю только то, что в заданных границах факты, попадающие в поле нашего зрения, должны вести к росту. Разумеется, их влияние может ослабляться другими фактами. Итак, получается, что рабочие и землевладельцы благодаря развитию выигрывают не так уж и много. Хозяйствующие субъекты, которые до этого отбирали у них работу, услуги труда и земли (*Arbeits- und Bodenleistungen*), с одной стороны, несут потери из-за роста заработной платы и ренты, а с другой стороны, выигрывают благодаря общему росту цен, распространяемому и на их продукты, — с исключениями, которые легко угадать. Для отдельного хозяйствующего субъекта эти выигрыши и потери компенсируют друг друга лишь в исключительных случаях, а как правило, расходятся. Они, в свою очередь, отражаются на заработной плате, ренте и других вещах. Но мы не будем входить в рассмотрение деталей и удовлетворимся констатацией, того что уже до того, как продукты новых предприятий появляются на рынке, в народном хозяйстве существуют потери разных видов.

Появление новых продуктов составляет для всех имеющихся товаров либо прямую конкуренцию, пока речь идет об аналогичных товарах, либо косвенную, когда спрос обращается к новым товарам, которые подходят для удовлетворения тех же потребностей. Спрос на старые товары ограничивается. Разумеется, эта новая конкуренция действует на привычные товары по-разному. Но мы не будем детально это исследовать, хотя теория цен обеспечивает нас для этого соответствующими средствами. Нужно лишь упомя-

нуть об одном исключении: некоторые новые товары комплементарны старым, поэтому при появлении первых спрос на последние даже возрастает. Но это едва ли меняет суть дела, поскольку влияние на другие старые товары, которые не относятся к данному случаю, должно быть еще сильнее.

Следствием этого должно быть снижение уровня цен. Мы не вправе ожидать, что обнаружим его в статистике цен. Во-первых, уровень цен зависит от множества других факторов, которые действуют на экономику «извне»¹⁹. А во-вторых, весь процесс протекает не периодами, четко отделенными друг от друга, новые продукты особенно в период подъема появляются на рынке, но на деле они также беспрепятственно поглощаются складами. Однако фактически действительность не предоставляет аргументов против нашей точки зрения. Если бы никакого дальнейшего развития не было, а новые предприятия просто включались бы в статический корпус народного хозяйства, то упомянутое снижение цен было бы постоянным. Уровень цен был бы ниже, чем до возникновения волны развития. Ибо тогда большому количеству товаров соответствовала бы та же денежная масса, — ведь предприниматели, как предполагается, обналичили бы свои векселя, которые были бы кассированы, изъяты из обращения, а не обновлены.

Это снижение цен есть симптом исполнения того, что было обещано развитием. Оно материализует его достижения и является существенным моментом, который делает развитие выгодным для рабочих и землевладельцев, более чем рост их денежных доходов в период подъема. Обе группы выигрывают, прежде всего, как потребители. В этом плане изменение их положения относится к группе восходящих движений, которые являются следствием развития. Если мы на какой-то миг воспользуемся классическим способом рассмотрения, то скажем, что теперь стоимость всех товаров понизится, поскольку в результате совершенствования производственных методов необходимо затрачивать меньше труда для их изготовления, а для покупки того же количества труда необходимо больше товаров, чем прежде. В дальнейшем новые товары также влияют на норму затрат, так что величины прибыли предпринимателя тоже идут на пользу потребителям. Фактически это есть главное содержание роста благосостояния низших слоев в противоположность формированию богатства предпринимательских кругов, которое нужно понимать совершенно по-другому. Это тот момент, благодаря которому на более высоких стадиях развития бедный живет лучше, чем раньше жил богатый, как говорится в старой народной поговорке.

Это одно из двух восходящих движений. Ему противостоит нисходящее движение в положении многих хозяйствующих субъектов. Оно коренит-

19. Поэтому я также не претендую на авторство теории уровня цен. Все же можно сказать, что согласно нашей концепции, в ходе развития следовало бы ожидать роста цен на первоначальные средства производства и снижение цен на продукты и что факты не противоречат этому полностью. Нужно учесть также, что рост цен на продукты питания без сомнения связан с ростом народонаселения, — обстоятельством, которое мы категорически исключили из нашего рассмотрения. См., также дальнейшее обсуждение проблемы.

ся в статических производствах, которые вынуждены страдать из-за снижения цен, — за исключением случаев, когда средства производства благодаря развитию поставляются дешевле, чем прежде. Эти последствия хотя и являются постоянными, тем не менее в их острейшей форме локализованы в особых периодах времени²⁰. Старые формы производства и устаревшие производственные процессы, все товары длительного пользования обесцениваются теперь и по этой причине, а не просто в результате роста издержек в период подъема. Это в большей или меньшей степени затрагивает все статические производства и компенсируется только в исключительных случаях благодаря обратному воздействию. Статические хозяйствующие субъекты страдают так же, как производители, и все больше оттесняются назад. Вчерашние лидеры нередко попадают в эту ловушку, быстро скатываются со своего места вниз, теряя авторитет. Этот процесс имел бы место и в случае немедленной реакции, но он усугубляется из-за того факта, что повсеместно большинство статических хозяйствующих субъектов реагируют недостаточно быстро и недостаточно серьезно. Как правило, не хватает умственных способностей и средств: ремесленник не способен воспроизводить любой технический процесс, владелец повозок не будет строить вторую линию железной дороги рядом с той, которая уничтожает его дело. Нередко также не хватает склонности: независимый мастер не станет просто так фабричным рабочим, фабрикант не захочет быть служащим нового крупного предприятия, пусть даже это самый правильный выход. Поэтому для хозяйствующих субъектов процветание и упадок неразрывно связаны с определенной формой производства или производственным методом и вытеснение их на обочину равносильно гибели. В рыночной экономике это придает особый характер замене нецелесообразного более подходящим. В результате неизбежное обесценивание в ходе развития того, что имеется, предстает в несколько ином свете.

Таким образом, процесс обнищания, деклассирования широких классов идет рука об руку с восходящим движением. Уменьшаются возможности получения временной прибыли (*Friktionsgewinn*), возникавшей, правда, только из-за недостатков в механизме конкуренции, но народное хозяйство приспособилось к ней, и она составляла основу бюджета многих людей. У широких кругов развитие выбивает почву из-под ног. Не внезапно, но постепенно. Те, кого это затронуло, из поколения в поколения влачат все более жалкое существование, полное все более явной безнадежности. Чем более мрачной становилась экономическая атмосфера вокруг них, тем ниже падал их моральный и интеллектуальный уровень. Их предприятия беднели, попадали во все более неблагоприятные ситуации, становились очагами социального неблагополучия и переходили в руки все более сомнительных типов. Далекий

20. В принципе это были бы периоды ликвидации. Но многие из этих воздействий осуществляются медленно, и было бы реалистичней сказать, что это суть периоды, которые наступают за периодами ликвидации. Они, кроме того, отличаются от них продолжительностью времени, большей шириной, но меньшей живостью явлений.

от земного мира наблюдатель едва ли обратил бы внимание на эти явления, заслоненные масштабом развития. Ведь потери – это его обратная сторона. Они возникают от того, что услуги, из которых хозяйствующие субъекты строят свою экономическую жизнь, теперь оказываются более совершенным образом. Да и сами страдания, которые ими порождаются, приносят пользу, способствуя быстрейшему избавлению от устаревшего багажа и подстегивая людей к активным действиям. Но те, кто сам разыгрывает эту драму, а также близкие им наблюдатели думают об этом иначе. Они бы не поменяли своего мнения и в том случае, если бы ясно и всецело сознавали природу процесса, что обычно редко встречается. Они не могут затыкать уши, чтобы не слышать крики раздавленных под колесами инноваций людей.

Упадок многих предприятий, естественно, неблагоприятно воздействует на заработную плату и ренту. Ведь субъекты этих предприятий либо рабочие, либо рантье, так что кажется, что обесценивание просто обрушивается на труд и землю. Если мы все же этого не говорим, то только потому, что эти рабочие и землевладельцы не кричат на всех углах о своем обнищании. Они образуют особую группу, которая прочнее привязана к традиционным методам предпринимательства, чем остальные. Это, помимо всего прочего, связано с тем, что данные хозяйствующие субъекты не являются, в сущности, только рабочими или «землевладельцами» или и тем и другим одновременно. Ведь они еще получают монопольную прибыль, квазиренды и прочие временные доходы. В этом смысле, в соответствии с изложенным выше, рабочие и землевладельцы преимущественно выигрывают от развития. Противоположные движения имеют меньшее значение, а поскольку переход к другим применениям доставляет им трудности (на что Маркс особенно делает акцент), то в этом и заложено явление экономического трения, которое в отдельных случаях может представлять большой практический интерес, но не играет никакой роли там, где речь идет о принципиальном познании действительности. Основным фактом, исходя из которого нужно понимать влияние развития на заработную плату и ренту, является то обстоятельство, что благодаря им труд и земля производят больше товаров и поэтому заработная плата и рента в их номинальном выражении будут охватывать больше товаров. Следовательно, в конечном счете, все непрерывные достижения развития будут увеличивать заработную плату и ренту.

Но феномен деклассирования может приобретать особый характер в связи с первоначальными производственными факторами. Этот вид деклассирования непосредственно примыкает к реорганизации народного хозяйства в направлении целесообразности, к «снижающей издержки» функции развития. При этом новые предприятия либо непосредственно устроены так, что они «сберегают» издержки, то есть услуги труда и земли²¹ (например, посредством их более целесообразной организации), либо они производят новые средства производства, которые затем будут способст-

21. Разумеется, мы используем здесь слово «сберегать» в принятом в этом контексте обычном смысле, а не в нашем техническом смысле.

вывать экономии. В обоих случаях вначале происходит возрастание спроса на услуги труда и земли, ибо должны производиться новые товары, тогда как в статических предприятиях все осуществляется на прежний лад. Так в первом случае повсюду будет введена целесообразная организация, в последнем — будут использованы те же средства производства, которые станут «конкурировать» затем с услугами труда и земли. От этого пострадает спрос, а в результате сберегающая расходы функция развития, очевидно, нанесет ущерб интересам рабочих и землевладельцев, весьма схожий с ущемлением интересов владельцев старых поместий.

Эта давно известная взаимосвязь исследуется в политэкономии под названием «воздействие использования машин», *on machinery*²², регулярно, но довольно изолированно от остального корпуса теории. Здесь нас не интересуют детали, я хотел бы только подчеркнуть отдельные важные для нас пункты и особенно конечный результат, который вытекает из наших рассуждений²³. Вначале мы будем говорить не только о воздействии машин, это ведь лишь особый случай особого случая великого процесса деклассирования. Затем не только о действиях на рабочих, но и на землевладельцев. При этом мне, разумеется, известно, что фактически все воздействия, при исследовании которых я сопоставляю услуги труда и земли, из-за конкретных обстоятельств влияют весьма неравномерно, и в нашем случае технический прогресс фактически сильнее ударяет по рабочим. Но принцип тот же, как один и тот же химический и физиологический принцип действует при отравлении монарха или крысы, хотя оба события имеют разное значение. Кстати, землевладельцам угрожает один новый тип предприятий, который сильнее ударит по ним, чем по рабочим, — это фирмы, занимающиеся импортом из других стран. Ведь еще Д. Рикардо четко установил, что совершенствование сельскохозяйственной техники будет давить на земельную ренту.

Уточним проблему. Релевантное явление — это, вообще говоря, не факт уменьшения технических издержек, а связанное с ним снижение спроса на труд и землю. Ибо нужно различать две вещи: во-первых, само собой разумеется, что после введения усовершенствований использованные количества услуг труда и земли окажутся ниже тех количеств, которые были необходимы для производства того же количества продукта, если бы он производился без усовершенствований, то есть по старинке. Во-вторых, — и это не вполне

22. О машинах (англ.). — Прим. перев.

23. См. по этой теме следующие работы: фундаментальную главу Рикардо — более ранние исследования читатель найдет в книге Эрганга (*Ergang C. Untersuchungen zum Maschinenproblem*, 1911), а также опирающиеся на них рассуждения Мак-Куллоха, Сениора, Милля и Маркса. Примером особенно наивной концепции проблемы служит работа Оуэна (R. Owen); см об этом и о других популярных подходах к проблеме в книге Стивена Лесли (*Leslie S. English Utilitarians*, II. Band). Обзор содержится в книге Николсона (*Nicholson, On Machinery*), см. также его работу *Основположения* (*Principles*). Далее следовало бы еще назвать работы: Johnson, in *Quarterly Journal of Economics* 1906; Carver, in *Quarterly Journal of Economics* 1909; Mannstaedt, *Kapitalistische Anwendung der Maschinerie*; Schmidt, *Theorie der industriellen Reservearmee*, *Soz. Monatshefte* 1904; Bernstein in: *Neue Zeit*, 11. Jahrg. 1. Bd.

очевидно — использованное количество труда и земли после введения усовершенствований может оказаться ниже того количества, которое было использовано для производства меньшего количества с помощью старого метода. Интерес представляет лишь последнее явление²⁴. В первом случае ничьи интересы не нарушаются, поскольку большие количества продукта без указанных усовершенствований никогда не могли бы быть произведены.

Решающий фактор здесь — оставить момент технических усовершенствований в его естественной взаимосвязи. Речь идет о явлении развития, которое может быть всецело объяснено только теорией развития и прослежено в его воздействиях как капля в потоке. Говорить, что, когда предприниматель использует часть своих рабочих для изготовления машины, которая затем сделает излишней эту же часть, а это создает возможность увольнения рабочих, имеет смысл только в том случае (и то лишь в определенных границах), если этот предприниматель обладает монопольным положением. В противном случае это связано с сущностью феномена, от которой можно абстрагироваться только ценой искажения реальности. В общем случае предприниматель будет сразу производить больше, так что избыток рабочей силы не обязательно возникнет. Кроме того, этим займутся конкуренты. В какой степени возникает избыток, зависит от эластичности кривой предложения — спроса для конкретного товара. Нельзя предсказать, что в данной отрасли промышленности после внедрения нового метода производства, будет занято столько же, меньше или больше рабочих. Нарушение интересов рабочих — и землевладельцев — исключить, таким образом, нельзя. Но это не обязательно. Если бы все развитие сводилось единственно к введению новых производственных методов, сберегающих первоначальные средства производства, и если бы постоянно производились все более новые «экономные» машины, то никакого ущерба не наносилось бы. В конце концов, такие машины сделали бы излишними услуги труда и земли, которых никогда не существовало. Это позволяет правильно оценить важность того аргумента, что производство данных машин или проведение более целесообразных организационных мероприятий потребует дополнительного количества рабочих и земли. На это нельзя просто возразить, что подобный результат внедрения машин является только временным и в конечном счете неприятности от них должны усугубиться.

Однако развитие не только ограничивает себя из-за возможности, которую оно создало, высвободив первоначальные средства производства, и ослабляет вызванное этим давление на заработную плату и ренту, но и предлагает противовес возникшему давлению. В случае процентов каждое снижение процентной ставки обязательно выдвигает на арену новых предпринимателей и открывает возможности для новых комбинаций и их реализации. Аналогично и по той же самой причине должно действовать снижение цен на первоначальные средства производства, что является существенным тор-

24. Это различие уже само по себе показывает, что вообще нелепо утверждение, будто машины сберегают труд, в том смысле, что они делают труд излишним.

мозом для такого снижения. Однако данный момент никогда не сможет вполне скомпенсировать снижение цен. Это само собой разумеется. Но он может свести снижение до минимума. Если прервать наблюдение до того, как возникнет противодействие, то дело, надо признать, выглядит иначе. Но тогда искажается и явление, с сущностью которого оно связано. Если, далее, промышленность, работающая с подобными экономичными методами, была бы внедрена извне в совершенно статическую экономику, то противодействие не возникло бы и сохранился бы только менее важный момент экспансии статической продукции, следствием чего также является снижение цен. Но в действительности дела обстоят не так. Прогресс в производстве не может быть вырван из целостности экономики, находящейся в состоянии развития, целостности, только в которой она и существует.

А поскольку в результате развития снижение спроса на первоначальные средства производства не обязательно происходит и на фиксируемый период не может выйти за пределы какого-то минимума, то мы не будем приписывать большого значения этому особому случаю общего процесса деклассирования. Иногда, и особенно в местном масштабе, он может, конечно, проявляться весьма сильно. Он кажется весьма злобредным особенно тогда, когда из двух периодов, на которые это явление распадается по времени, обращают внимание только на первой. Тем не менее, владельцы первоначальных средств производства, которые представляют и производственные интересы, мы будем причислять к тем, кто вследствие капиталистического развития выигрывает в абсолютном значении. Хотелось бы указать еще и на то, что классический анализ, будучи неудовлетворительным, в сущности болен тем, что к эссенциально динамическому феномену пытается подходить с помощью аппарата статики.

Отсюда непосредственно следует, что феномен безработицы²⁵ не полностью объясняется средствами чистой теории, исходя из сущности экономического механизма. Если бы рабочие в результате прогресса производственных методов обязательно теряли работу, то для объяснения этого феномена был бы по крайней мере создан базис. Тогда не нужно было бы даже слишком удивляться безработице, скорее вызывало бы удивление то, что она еще не распространена гораздо больше, чем в действительности. Однако никто из рабочих, которые вследствие внедрения машин потеряли рабочее место, не мог бы оставаться без работы надолго. Ибо ни на одном рынке немислимо такое положение, когда часть предложенного товара не находит соответствующего спроса, тогда как остаток сбывается по обычной цене. Освободившиеся рабочие стали бы оказывать давление на заработную плату и вынуждены были бы довольствоваться рабочим местом с более низкой зарплатой. Лишь когда в результате внедрения все более новых машин будет

25. О фактах безработицы лучшую информацию можно получить из соответствующих официальных публикаций. Самое необходимое содержится в любом учебнике. Если бы мне из массы литературы по данному предмету пришлось выделить какую-нибудь одну работу, я назвал бы книгу Бевриджа (Beveridge, Unemployment).

увольняться все больше рабочих, в народном хозяйстве появится определенное число безработных, постоянно растущее в ходе развития. Но у развития нет тенденции делать трудовые ресурсы излишними, напротив, оно имеет склонность создавать все больший спрос на них. Может возникнуть только временная безработица незначительного объема, да и то местного значения.

Рабочие теряют работу во время кризисов всегда, а в ходе нормального процесса ликвидации и реорганизации — почти всегда. Однако никто не сомневается, что данный вид безработицы — явление временное. Она представляет собой особый случай депрессии и исчезает вместе с ней.

Постоянной — и все более усугубляющейся — безработицы просто не существует как таковая, с ней связана только временная безработица. Причина, которая порождает безработицу, эссенциальная и изначально временная. Мы можем объяснить только преходящую безработицу, причем главным образом как фрикционное явление, а другие не можем. Этот результат не исчерпывающий, но не лишенный известной ценности. Он, безусловно, объясняет солидную долю феномена безработицы, ее большую часть. Но внимания заслуживает и его негативное значение. Ведь из того, что безработица не может быть полностью объяснена на основе теории, можно сделать вывод, что она связана с другими причинами, а не с сущностью экономического процесса. Если мы захотим исследовать проблему безработицы, то нам придется поискать в данном фактическом материале другие причины. Следует ожидать, что мы обнаружим не все объясняющий принцип, а некоторое количество различных по месту и времени объяснений. Мы не станем впредь предполагать в безработице вообще никакого единого явления, скорее это смесь совершенно разных феноменов. Тем самым мы смогли бы сформировать точку зрения, к которой уже давно пришло специальное исследование этого предмета.

Теперь же нам необходимо окончательно определить соотношение статической и динамической теории. Если теория развития служит поправкой к картине статической экономики, должна ли последняя быть отменена, чтобы дать место для нового теоретического отображения действительности? Имеет ли статика характер первого приближения, абстракции, и получает ли она от динамики дополнительный импульс, направляющий ее в сторону жизненной полноты и реальности? Или, наконец, обе теории описывают изолированные (*gesondert*) факты? Мы уже знаем: если сначала обнаруживают, что на предельной глубине сегодняшняя систематическая теория опирается на статические столпы, а затем видят, как она, исходя из этой точки зрения, стремится объяснять вещи, к которым из этой позиции ничто не ведет, — то понимают также, что динамика должна некоторые вещи снести, а некоторые исправить. Но это только дополнительные построения, пристройки. Ядро статической теории нельзя заменять точкой зрения, в которой главную роль играет развитие. Статика лишь как целостный анализ экономического процесса вообще и как социальная философия бесполезна.

В определенном смысле следует ответить утвердительно и на второй вопрос. Статика есть не только абстрактная конструкция, она абстраги-

руется также от существенных фактов развития. Это придает ее результатам красивую всеобщность, которая позволяет ей описывать экономические процессы без учета конкретных организационных форм. В результате чего она становится машиной для решения определенного класса проблем, а именно тех, которые в самом широком смысле можно сгруппировать вокруг феномена цены. Если предельно строго сформулировать ее утверждения, то при полном отвлечении от человеческих мотивов можно приспособить их к описанию поведения предпринимателя на рынке. В этом смысле теория развития представляет собой дополнение и приближение политэкономии к действительности посредством введения новых фактов. Но и на третий вопрос, как нам известно, можно ответить утвердительно. Статическая теория не находится одинаково далеко от совокупности экономических фактов во всех пунктах. В некоторых пунктах она принципиально и полностью пригодна, то есть дает нам ключ к пониманию, но в других—этого не происходит. Таким образом, у нее как бы двойственный характер: по одной трактовке она является всеобщей каталактикой, по другой—далеко идущим описанием особых типов экономических процессов²⁶.

В этом последнем отношении она интересует нас. Перечислим еще раз случаи, в которых встречается подобная ситуация. В-первую очередь она охватывает обширную серую массу малых и мельчайших экономических процессов повседневности, хозяйственного кругооборота, которые вообще составляют базис и серьезное подтверждение (*Verifikation*) теоретической политэкономии²⁷. Все они движимы гедонистическим импульсом и характеризуются условием равновесия. Все они основаны на стремлении к осуществлению идеала—устроиться в данных условиях настолько хорошо, насколько позволяют существующие отношения. Бессмысленно искать в этом поле принципиально релевантные индивидуальные различия. Но в экономической жизни народов бывают периоды, когда для всех процессов характерно стремление к состоянию равновесия. Таковы, как мы знаем из нашего исследования феномена кризиса, периоды реорганизации системы стоимостей и цен в народном хозяйстве, так называемые периоды депрессии. В это время исчезают явления, которые не вписываются в картину статической экономики, и тогда данная картина становится общей картиной экономики. При этом не имеется существенных различий в поведении хозяйствующих субъектов, но в конечном счете статика дает верный образ определенного типа хозяйствующих субъектов. Как мы видели, существуют хозяйствующие субъекты, чье поведение определено характеризуется гедонистическим импульсом,— их можно назвать «статическими» *kat' exochen*. Они встречаются всегда и повсюду и могут даже образовать солидное большинство. Из них формируются массы, совершенно не затронутые потоками

26. Коротко можно сказать: пока статика представляет собой лишь логику хозяйствования, она сохраняет всеобщее значение. Если же она начинает претендовать на психологию хозяйствования, она терпит неудачу в весьма существенном отношении. Тут уже она не имеет всеобщего значения.

27. См.: *Сущность*, книга V.

развития. Но и там, где это не так, черты их бытия выделяются достаточно резко и с полной отчетливостью демонстрируют плоды их деятельности в экономике. И там гедонистическая и статическая концепция описывает реальность, которую можно непосредственно наблюдать и которая не нуждается в дальнейшем объяснении.

Но поскольку факты развития, в свою очередь, не просто входят как дополнение в здание статики, а частично конституируют себя вне его как особое и единое теоретическое целое, то речь в политэкономии эссенциально идет о двух различных группах фактов, а не только о двух концепциях. Мы, таким образом, обнаруживаем, что экономическая жизнь народа складывается из двух различных процессов, которые не только теоретически, но и в действительности не различаются и обладают равной реальностью. Они пересекаются друг с другом и, конечно, воздействуют друг на друга. Однако они не теряют четких очертаний не только в понятийном отношении, но прежде всего в отношении их объективного существования. Для нас это очень важно. Если бы это было не так, нас можно было бы легко обвинить в праздной игре с понятиями. Даже теоретически обоснованное разграничение, которое хотя и могло бы способствовать пониманию, но все же относилось бы только к научному постижению вещей, имело бы некоторую ценность и было бы достойно обсуждения. По поводу любого факта, любого газетного сообщения об экономических процессах можно сказать: если информация достаточно точна, идет ли речь о статическом или динамическом процессе. В первом случае — о фрагменте нормального кругооборота статической экономики или о реакции на импульс развития, в последнем, — происходит ли процесс подлинного развития или обратное воздействие развития. И ясность в этом вопросе всегда не просто приносит теоретическое удовлетворение, но является существенной для правильного понимания.

Здесь мы в самом деле подходим ближе к действительности. Прежде всего мы получаем более ясное представление о своеобразной смеси ограничения и свободы, которую нам демонстрирует экономическая жизнь. Над статическим кругооборотом и явлениями статического приспособления господствует логика вещей, которая хотя совершенно далека от проблемы свободы воли, но практически — в жестко заданных социальных условиях — почти не предоставляет возможности для индивидуального произвола. Это подтверждается примерами и всегда служило камнем преткновения, поскольку индивидуальное свободное созидание видно весьма отчетливо. Разумеется, в концепции развития нет недостатка в логике вещей; и как с помощью статической концепции едва ли можно доказать что-либо в защиту философского детерминизма, так с помощью динамической концепции возможно как-то противодействовать ему. Но все же мы указали на элемент, который нельзя объяснить наличием объективных условий, и мы правильно соотнесли его с этими объективными условиями²⁸.

28. Могу указать на то, что Филиппович (Philippovich) во введении ко второму тому своего очерка также различает проблему предпосылок развития и проблему само-

Эта дихотомия, вернее сказать, это знание о двойственности экономического процесса образует краеугольный камень любого переустройства его теоретической схемы, которая следует из нашей теории. Она состоит из следующих элементов. Статический кругооборот, который во-первых образует ядро вещи, как бы охвачен, во-вторых, явлениями развития. Те процессы, которые мы объединили в понятии развития и которые создали его²⁹, если только он возник благодаря экономическим, а не внеэкономическим моментам и если он не является «реакционным». Из того же объективного базиса, на котором оно само покоится, исходит фаза развития со всеми ее, в-третьих, следствиями и обратными действиями (*Wirkungen und Rückwirkungen*). В-четвертых, имеются различные вторичные статические течения, возникающие как реакции на развитие и его последствия. В довершение картины мы могли бы еще добавить: в-пятых, «собственное» движение населения, технологии, потребностей и капитала с последствиями, которые они вызывают. И наконец, в-шестых, такие внешние события, как войны, удачные случаи и неудачные, политические вмешательства и т. п.

Имеет смысл перечислить и другие пункты новой аранжировки. Мы радикально отделяем предпринимателя от капиталиста, от носителя рисков, от простого технического или коммерческого директора завода и от статических хозяйствующих субъектов, работающих ради собственной выгоды. Мы отделяем капиталиста от владельца потребительских товаров, от поставщиков средств производства, и указываем ему место между предпринимателем и средствами производства. Обе роли мы ограничиваем развитием, а роль капиталиста, кроме того, еще и капиталистическим развитием. Но в рамках этого круга мы придерживаем точку зрения предпринимателя — и понятие капитала для отдельного капиталиста — для научного рассмотрения, потому что только ему соответствует нечто реальное и только он настроен на реальные процессы. Кроме предпринимателей и капиталистов, всех хозяйствующих субъектов следует квалифицировать как рабочих и «землевладельцев» — владельцев естественных средств производства. Последние в той мере, в какой они ограничиваются своей ролью как рабочие или землевладельцы, являются по своей сущности статически-гедонистически и экономически пассивным элементом. Экономически они не считаются двигателями, скорее их двигают, хотя политически они могут способствовать изменению данных, таких как введение покровительственных пошлин, охраны труда рабочих, или организовать под воздействием лидеров, которые, однако, не являются предпринимателями, в объединения по типу монополий. То же относится и к капиталистам. Только благодаря тому, что они извлекают свою прибыль из какой-то функции, служащей раз-

го развития. В этом коротком изложении его мнения, несомненно, кроется симптом далеко идущего согласия его взглядов с теорией, изложенной в тексте. Однако он ограничивает своеобразие развития экономико-политическими вмешательствами в хозяйственную жизнь, вступая тем самым на другой путь. Могу указать также на Шеффле (Schäffle) и Шмоллера (Schmoller).

29. В такой мере динамика излагает теорию элементов экономической среды статики.

витию, они занимают промежуточное положение. Однако по типу их экономического поведения они относятся скорее к той же группе, что и рабочие и землевладельцы, хотя и определенным образом влияют на предпринимателя. Это квазистатические хозяйствующие субъекты.

В том месте, которое мы отвели для рассмотрения услуг труда и земли, мы присоединяемся к анализу Бёма-Баверка³⁰, среди прочего и в том, что произведенные средства производства мы не рассматриваем как самостоятельный производственный фактор. Мы не видим в них вообще ни трудосберегающих, ни поддерживающих труд, ни трудообеспечивающих, ни производящих результаты сверхобычной нормы. Не видим в них ни благ, обеспечивающих эксплуатацию, ни носителей особой функции. Запасы потребительских товаров также не имеют ни производственной функции, ни функции сохранения труда или экономящей время. Обе категории товаров могут, в крайнем случае, быть источником временных промежуточных прибылей их владельцев — либо прибылей предпринимателей, либо надбавки к цене, вызванной спросом предпринимателя. В экономике их нигде не накапливают, кроме как для целей обеспечения постоянного сбыта или создания возможности спекулятивной скупки акций (*Cornerspekulationen*). Их накопление предпринимателем или капиталистом, встречающееся главным образом в капиталистической экономике, не является предпосылкой того, что можно перейти к определенному производству. Пока они доступны, они предлагаются самим потоком экономики.

Этой диспозиции хозяйствующих субъектов и товаров соответствуют экономические процессы. Функция накопления товаров в капиталистическом хозяйстве просто отпадает. Вне этой капиталистической экономики она хотя и нужна, но также не является решающим моментом или вообще моментом, который следует особым образом учитывать. Тем самым разрушаются и причинные связи, в рамки которых помещали эти запасы товаров. На месте накопления товаров в нашей картине действительности оказывается изъятие товаров из обращения с характерным ростом цены товаров как его последствия³¹. При этом момент экономии отступает на задний план, уступая место другой теории возникновения капитала и образования собственности. Момент воздержания и пренебрежения будущими удовольствиями ограничивается полем развития и даже там весьма второстепенной ролью, что, на мой взгляд, более чем подтверждается силой фактов. Услуги труда и земли в статических предприятиях оплачиваются из выручки предыдущих экономических периодов — и только здесь утверждение, что рабочие оплачиваются потребителем, вполне справедливо и имеет смысл, выходящий за рамки простого трюизма. Но при этом использованные в новых предприятиях услуги труда и земли оплачиваются из капита-

30. Ойген Бём-Баверк (1851-1914) — австрийский экономист, автор работ «Основы теории ценности хозяйственных благ» (1886); «Капитал и прибыль» (1884-1889); «Теория Карла Маркса и ее критика» (1896). — *Прим. перев.*

31. См. феномен «инфляции» в период подъема.

ла, и не из каким-то образом возникших запасов потребительских товаров, но из описанных нами фондов покупательной способности. Авансирование товаров рабочим и землевладельцам не производится нигде. Парадокс, который, как кажется, заложен в этом: некая сумма одновременно является доходом и капиталом, — полностью исчезает, если вспомнить, что капитал есть явление хозяйства капиталистического предпринимателя и что вне хозяйства это понятие вообще не имеет никакого смысла. В конечном счете мы признаем верховенство спроса в народном хозяйстве только с определенным ограничением.

Этот краткий и несовершенный эскиз внешней стороны протекания экономического процесса имеет целью подчеркнуть две вещи. Во-первых, отдельные моменты, на которых покоится наша концепция, вовсе не притянуты за уши, напротив, почти все они уже наличествуют в традиционной теории. Во-вторых, наша концепция гораздо больше соответствует действительности, делает излишним весь набор фикций и вспомогательных конструкций и объясняет многие явления, оставленные без внимания. Конкретные частные проблемы, которыми вообще занимается чистая политэкономия, могут быть решены с ее помощью более совершенным образом, — да и некоторые новые, за исключением тех, что относятся к теории цен в узком смысле, — к ее рассмотрению наша теория ничего не может добавить. Но здесь речь идет для нас только об основных принципах.

Как эта концепция соотносится, например, со старой теорией фонда заработной платы? В статической экономике сумма выплачиваемых заработных плат определяется столь же однозначно, как сумма цен всякого иного вида товаров³². В этом отношении нужно было бы возразить теории фонда заработной платы, что она при объяснении уровня зарплаты выделяет то обстоятельство, которое не заслуживает внимания. Но внутри, безусловно, несовершенной теоретической конструкции у классиков лежал важный факт, выделение которого имело громадное практическое значение. В статической экономике увеличение числа рабочих вовсе не увеличивает пропорционально сумму заработных плат, но оно будет давить на зарплату и каждая мера, имеющая целью произвольно поднять уровень зарплат, вызовет известным образом обратное действие, которое будет противодействовать желаемому результату. Классики утверждают в этом случае, что фонд заработной платы есть твердо установленная величина, которую рабочие, сколько бы их ни было, при любых обстоятельствах должны делить между собой. В такой форме это, разумеется, не верно, но важная истина, выраженная здесь в искаженном виде, заключается в том, что в данных обстоятельствах общая сумма выплачиваемых заработных плат определяется объективной необходимостью. У этого правила масса исключений, но, несмотря на это, оно составляет базисный факт, выделение которого — большая заслуга. Однако классики в оценке этого факта ошиблись в двух отношениях. Во-первых, они слишком тесно привязали теорию заработной платы к теории народона-

32. См. замечания по поводу теории фонда заработной платы в: *Сущность*, книга III.

селения. В этой связи есть, конечно, нечто истинное, но в погоне за зернышком истины теория заработной платы, несомненно, вступает на ложный путь. Во-вторых, классики говорят дальше, что фонд заработной платы надо искать в капитале. Не сложно доказать, что капитал образует только текущую статью (*durchlaufender Posten*) и что решающим и объясняющим моментом в конечном счете являются доход потребителей и направление их спроса. Здесь следует остерегаться обижать классиков и их последователей. Поскольку они определяли капитал как сумму произведенных средств производства и придерживались этой дефиниции, они, конечно, были правы; однако само собой разумеющимся является и то, что имеющиеся в наличии товары, определенного количества и вида, требуют дополнительных трудовых вложений и что непосредственные причины, обуславливающие величину спроса на труд, без сомнения, заданы технической необходимостью. Однако если классики, говоря о капитале, бессознательно имели в виду собственно денежный капитал, то возражение, что речь идет тут только о текущей статье, справедливо, но лишь в отношении статики. В развитии дело существенно иное. Дополнительные издержки на заработную плату или дополнительные трудовые расходы, которые объясняются спросом предпринимателя на новые предприятия, формируются за счет капитала предпринимателя. Предприниматель выходит на рынок средств производства со своей заимствованной покупательной способностью еще до того, как потребители, которые в конечном счете будут потреблять новые товары, что-либо пожертвовали из своих доходов в пользу его планов, и еще до выяснения того, каким образом новые товары будут распределяться среди потребителей. Итак, прибавки к заработной плате, вырастающие из спроса предпринимателя, затрачиваются вначале из его капитала. В нашем смысле этот капитал является не просто фондом заработной платы, а фондом заработной платы и ренты; но на вопрос, как он распределяется между рабочими и землевладельцами, у нас уже есть готовый теоретический ответ. В данном случае не имеет практической ценности говорить, что и здесь доходы потребителей в конечном счете представляют собой источник прибавок в заработной плате и ренте, ибо для того, чтобы эти прибавки стали реальными, необходима именно предпринимательская деятельность определенного рода и интенсивности. От того, что предприниматели появятся, и от того, что они смогут создать необходимую покупательную способность, наконец, от того, на какие конкретные планы производства они решатся, зависит существование и величина упомянутых прибавок. Исходя из нашей концепции, мы бы должны сказать, что здесь заложена особая самостоятельная причина с собственным действием, ибо предприниматель действует не пассивно, как статический руководитель предприятия, а прибавляет к хозяйству нечто личное, самостоятельное. Если в статике выплаты заработной платы, даже при допущении того, что они в каком-то смысле исходят из капитала, образуют только текущую статью, которая не изменяет сущность процессов и ничего к ним не прибавляет, то для развития этого утверждать нельзя. В развитии капитал действительным и истинным образом является фондом ренты и зара-

ботной платы. Однако и здесь речь не идет о каком-то авансе рабочим и землевладельцам, деньги им не даются как задаток, а у них закупаются производственные результаты, они не получают в виде аванса потребительские товары, а приобретают их, покупая на рынках, увеличивая уже имеющийся на тот момент спрос.

Итак, мы можем сделать заключение, что сумма выплат заработной платы в народном хозяйстве в любое время зависит от двух обстоятельств. Во-первых, от суммы статических зарплат и, во-вторых, от капитала, который могут добыть себе предприниматели для осуществления своих планов. И действительно, по экономическим причинам заработная плата может расти только в том случае, если растёт покупательная способность, что определяется предпринимателем. Тут мы приходим к старому утверждению Смита, что рост заработной платы существенно зависит от оживленности развития, господствующего в экономике, о чем мы уже говорили. Теория фонда заработной платы также опирается на глубокое понимание нужд экономики. Она тоже сослужила хорошую службу и четко сформулировала определенную объективную обусловленность экономической жизни.

Мы еще раз подчеркиваем, что экономическое положение землевладельцев в принципе то же самое, что и положение рабочих, и что они свой доход получают принципиально таким же способом и из тех же источников, что и первые. Поэтому в общем случае мы обнаружим, что земельная рента и заработная плата будут вместе расти и вместе падать³³. Разумеется, это не означает, что в абсолютном отношении они должны всегда находиться одновременно на высоком или низком уровне. В какой-либо новой стране земельная рента, возможно, будет равна нулю, а заработная плата высока. Мы полагаем только, что та же самая сила, которая способствует повышению заработной платы, имеет тенденцию повышать и земельную ренту и наоборот. Этой теореме не противоречит и то, что заработная плата и земельная рента могут сдвигаться по отношению друг к другу в соответствии с их относительной высотой. В аналогичном смысле можно было бы даже сказать, что рента может возрастать только за счет заработной платы, а зарплата — только за счет ренты. Классики, в особенности Д. Рикардо, утверждали, что прибыль — процент на капитал — может возрастать только за счет заработной платы, а заработная плата — только за счет прибыли. Если из бассейна ведут две трубы, то при данном количестве воды в нем количество воды, которое выливается из одной трубы, может возрасти только за счет того количества воды, на которое уменьшилось количество воды, вытекающее из другой трубы. Но если количество воды в бассейне вообще увеличивается, то будет увеличиваться и количество воды, которое вытекает из труб, хотя и не обязательно на ту же величину. А если количество воды в бассейне уменьшится, то уменьшится и количество воды, протекающее через трубы. Таким образом, объемы воды возрастают и понижаются совместно.

33. А там, где этого не происходит, мы будем искать особые причины. Например, одной из них может быть введение свободной торговли.

Так же обстоят дела и с заработной платой и рентой. Если в статической экономике один из обоих производственных факторов по какой-то причине становится более редким (например, труд вследствие эмиграции), то в результате этого социальный продукт становится меньше. Но из меньшего по величине социального продукта рабочие будут получать бóльшую долю, чем прежде из более высокого. Заработная плата вследствие уменьшения предложения труда будет расти, а с ней и издержки производства, следствием чего должно быть то, что предприятия, покрывающие лишь издержки производства, становятся нерентабельными и закрываются, отчего уменьшается количество товаров. *Ipso facto* спрос на услуги земли (*Bodenleistungen*), а следовательно, и их цена падают, а вместе с ними и их относительная доля уменьшается совокупности товаров — заработная плата увеличилась «за счет» ренты. Но подобные процессы не изменяют того что, каждое увеличение социального продукта идет на пользу обоим факторам, а каждое снижение вредит обоим.

Между прибылью предпринимателя и процентами существует на первый взгляд аналогичное сходство. Они также падают и растут вместе, и каждый из них может при данной общей сумме расти и падать в результате того, что другой падает или растет. Обе группы доходов также движутся в одинаковом направлении: вместе с прибылью предпринимателя и процентами растут также заработная плата и рента, а с уменьшением прибыли предпринимателя и процентов они падают. Это один из результатов хода нашей мысли, но он подтверждается непосредственным опытом. Все четыре вида доходов растут и падают, всегда вместе, если какое-либо особое обстоятельство не влияет на один из них. Если, например, падают процентные ставки, скажем, из-за того, что соответствующая экономика по какой-то причине теряет свои зарубежные инвестиции, то возросшая предпринимательская деятельность делает возможными при этом более высокие прибыли предпринимателя, заработные платы и ренты. Но именно эта низкая процентная ставка (*Zinsstand*) с необходимостью готовят конец такому положению вещей — рост остальных видов доходов обязательно приведет к росту процентной ставки. Неверный анализ может легко привести к допущению противоположной направленности четырех видов доходов. И действительно, такое мнение существует. Пожалуй, достаточно ясно, что отсюда не возникает серьезного возражения против нашего утверждения. Каждый из четырех видов доходов тормозит своим ростом других, но именно в результате этого и себя самого. Каждый из видов доходов поднимает своим падением других, но именно в результате этого его падению приходит конец. И ни один из видов доходов не имеет, в соответствии со своей сущностью, тенденции двигаться в противоположном, чем остальные, направлении. Классики утверждали это относительно земельной ренты. Но только как следствие из своей теории земельной ренты. Если для четкого уяснения процессов распределения необходим теоретический базис, то нам также требуется теоретический каркас для понимания деталей социальной структуры общества.

Предприниматель должен стоять на вершине общественной пирамиды не только в экономическом, но и в социальном отношении. И это потому, что

в некапиталистической экономике положение предпринимателя предполагает обширные командные полномочия, и тот, у кого их нет, не может быть лидером-предпринимателем в нашем смысле. На примитивных культурных стадиях, например, предприниматель должен быть вождем, а в коммунистическом обществе — центральным органом управления. Его начальствующее положение задается сутью дела и необходимостью организации, напоминающий военную с военачальником во главе. В капиталистической экономике предприниматель возвышается до положения, которого он, с самого начала не имеет. Его характер сильно выделяется на фоне толпы. Его действия захватывают для экономики большее пространство в глазах общественности, а тем самым и его личность. От него зависит многое. Постоянно возникают поводы обращаться к нему, спорить с ним. Его успехи нравятся людям и очаровывают их. Они возвышают его в социальном отношении над тем местом, которое задается организаторской необходимостью. Если первобытный вождь имеет в своем распоряжении более или менее универсальное социальное положение, то вождь капиталистической экономики завоевывает аналогичное положение постепенно. Экономический успех, как успех вообще, обеспечивает ему влияние и на другие области жизни. Его голос слышен в политических делах. Люди вынуждены уступать силе его личности. Его нельзя отстранять на продолжительный срок от руководства процессами, которые все больше сами по себе начинают ориентироваться на его интересы и интересы людей, которыми он непосредственно управляет. Таким образом, он становится политической и социальной властью. Искусство и литература — вся социальная жизнь — реагируют на него, как в Средние века они реагировали на рыцарей. Прославляют ли они его или борются с ним, во всяком случае они работают с данным социальным типом и созданными им отношениями. Социальная жизнь подстраивается под его потребности и желания. Внешние проявления его жизни приобретают характер общепринятых. Среди прочего возникает социальное уважение к экономической деятельности вообще. Получение денег вообще становится профессиональным занятием, которое можно объяснить желанием приобрести социальный статус и которому присуща известная романтика. Обладание денежными средствами становится показателем социального положения, одним из условий образа жизни, вытекающий из предпринимательской функции, а определенный вкус до известной степени идеалом. То, что ценится лидерами, всегда становится ценностями масс.

От этого нужно отличать непосредственную власть денег и непосредственную власть предпринимателя над клиентами, рабочими и т. д. Разумеется, власть помогает ему приобрести значимость. Но положение лидера в капиталистической экономике столь же мало объясняется непосредственной властью его денег, как господство государственной власти над подданными — властью штыков. Подобно тому как суверен не может поставить жандарма при каждом подданном, точно так же предприниматель не может оплатить каждого, в чьем сотрудничестве в социальной и политической жизни он нуждается. Есть еще и другой момент, который надо отли-

чать от воздействия успеха на психику общества. Культурная жизнь должна ощущать влияние личностей, которые доминируют в национальной экономике, просто своим общественным весом. Даже если предприниматель не построил бы себе дома и не украсил их на свой вкус, все же общее впечатление от его дел и мыслей оказывало бы влияние на архитектуру его времени. Влияние предпринимателей осуществляется и другими путями. Они формируют спрос на потребительские товары определенных категорий и типов, а за спросом поспешает и предложение. Тем самым они прямо вторгаются в культурную жизнь своей страны.

Все это просто тенденции. Мы не будем ожидать, что обнаружим предпринимателя, в одиночестве стоящего на вершине социальной пирамиды, поскольку кроме него существуют и другие лидеры национальной жизни. Мы еще вернемся к этому. Это происходит в народных хозяйствах, у которых не было докапиталистического прошлого или было, но не существенное. Во всех остальных случаях продолжают действовать соотношения социальных сил прежних эпох, так что социальная пирамида там не монолитна, а состоит из исторически данного фундамента и постоянно пронизывающих его новых образований. Вначале капиталистическое развитие происходит только в малых частях экономики. В основном ее массиве долго сохраняется все как прежде. Это касается и социального положения как верхов, так и низов. Случается также, что отдельные статические хозяйствующие субъекты сохраняют свое положение и в капиталистической экономике — например, это крупные землевладельцы. Они отходят на задний план зачастую лишь относительно. Изменение чувства масс, окружающих социальную организацию, происходит весьма медленно. Ничто так медленно не изменяется, как идеи и настроения. Вот и феодальная аристократия, полностью лишившаяся привилегий и владений, еще надолго сохранила свой социальный престиж, даже если она, как это часто бывает, утратила свою главенствующую роль в других областях. Прочная система ценностей имеет власть, которая изживается лишь очень медленно. Она долго ассимилирует образ мысли выходцев из низов.

Если учитывать эти обстоятельства, то становятся достаточно отчетливо видны стальные следы, запечатленные предпринимательским типом на социальной структуре общества. Предприниматель — источник процессов не только экономической, но и социальной реорганизации. Однако, не каждой части нашей схемы процесса производства соответствует определенный социальный круг. Социальная пирамида не состоит из экономических кирпичиков. В экономическом отношении успешного врача надо классифицировать как наемного рабочего. Но в социальном отношении причислить его к рабочему классу не так просто. В экономическом отношении рабочие и земельные собственники как поставщики средств производства и как статические хозяйственные субъекты во многом сходны. У них даже имеются некоторые общие интересы, но это не делает их единым социальным классом. Однако вполне возможно проследить определенный параллелизм между нашими экономическими типами и социальными классами

и говорить о классе рабочих, землевладельцев, а особенно о классе капиталистов. Но этот параллелизм тянется не очень далеко и при ближайшем рассмотрении утрачивает свое содержание. Факт равного экономического положения мало что дает. По этому поводу можно точно сказать, что для того, чтобы группа хозяйствующих субъектов социально и особенно политически предстала как класс, необходимы взаимопонимание и чувство солидарности, которые легко формируются благодаря схожим жизненным привычкам, а они, в свою очередь, предполагают известное равенство в экономическом уровне и благодаря этому частично насаждаются. Именно это общее чувство является решающим моментом для объяснения, а не непосредственно экономическое положение, которое, напротив, является только одним из рассматриваемых обстоятельств. Конечно, социальный класс есть сложный, не чисто экономический и, возможно, вообще не единый феномен. Поэтому, когда мы говорим о единой социальной структуре капиталистической экономики, мы не имеем в виду, что экономическая организация объясняет социальную вплоть до самого основания, но полагаем только поверхностное явление, наличие которого никем не отрицается, а общие черты известны без дальнейших рассуждений.

Для понимания социальной структуры капиталистической экономики важно отдавать себе отчет, что социальное положение, которое капиталистическое развитие в нашем его понимании предоставляет предпринимателям, держится на личных достижениях. Они не обязательно связаны с трудом в узком и формальном смысле. Но они также не опираются на то, что предприниматель обладает теми правами на средства производства, которые у него имеются. Предприниматель оперирует своей личностью и ничем больше. Его положение как предпринимателя привязано к его делам и без его активности ничего не стоит. В сущности, оно временно, а также не наследуется. Социальное положение ускользает от преемника, который вместе с добычей не унаследовал еще и когти льва. Предприятие, имеющиеся там товары суть только мертвая оболочка движущей силы производства. Ее перенос, например, при огосударствлении не перемещает надолго источник дохода — если речь не идет о монополии или о земельном владении. Ибо мозг творца предприятия невозможно национализировать. Это меняет социальную природу положения предпринимателя. Мы находим в ней все больше новых людей. Налицо постоянный социальный подъем и постоянный упадок. О классе предпринимателей нельзя говорить в том же смысле как о социальных группах, в которых надолго остаются одни и те же люди и их потомки. Разумеется, все те, кто в одно и то же время являются предпринимателями, занимают положения, имеющие достаточно много общего, чтобы подталкивать их к параллельным действиям, и даже к сознательному сотрудничеству. Но это происходит гораздо реже и куда реже приводит к формированию общего поведения и общей культурной среды, чем в других «классах». Поскольку промышленность не представляет собой постоянного источника дохода, то социализация ее уже хотя бы в терминологическом отношении совершенно отличается от социализации земельных владений.

Если бы все произведенные средства производства, да и вообще все товары, за исключением самых необходимых, на определенное время исчезли бы и остались бы только естественные возможности и организация народного хозяйства—беда была бы не столь велика, как могло бы показаться. Если бы лидеры сохранили свой авторитет и в опустошенных областях все люди в полном порядке снова вернулись бы к производительному труду, то следы катастрофы скоро исчезли бы. Ибо запас произведенных товаров не столь важен. Гораздо большее значение имеют иерархия, система начальствования и подчинения работников народного хозяйства, их расположенность к действию, их энергия и цели. В нашем утверждении нет никакого парадокса. Оно верифицируется с помощью того факта, что войны и другие катастрофы, если их последствием не было разрушение экономической организации, нигде не оставляют долговечных следов. Более того, все последствия таких опустошений поразительно быстро исчезают. Нечто подобное сказано Дж. Ст. Миллем в параграфе 7 главы 5 его первой книги, названной «Why countries recover rapidly from a state of devastation»³⁴. Только это наблюдение он обосновывает весьма неудовлетворительно³⁵.

Имеющиеся товары, здания и машины суть только внешняя оболочка индустрии. Из этого непосредственно следует, насколько нелепо мнение о них как об экономических основах существования высших слоев индустриального общества. Мы не будем рассматривать сейчас массу предрассудков, которые коренятся в этом взгляде.

Наследуемое и более или менее долговременное общественное положение может основываться только на квазирентах, росте доходов вследствие обратного воздействия развития, на доходах от процентов и вложенные прибыли предпринимателя и накопления. Эти доходы представляют собой опоры, поддерживающие данную социальную страту, подлинный капиталистический класс, в котором формируются особые специфически капиталистические интересы, формы жизни, идейные направления и традиции. Правда, индивидуальные элементы этого класса также довольно долговечны—частично по экономическим, а частично по другим причинам, которые мы здесь не будем обсуждать. Все же эти доходы вместе с монопольными прибылями и гораздо более важными растущими доходами от естественных средств производства образуют экономический базис для части общества, которую обычно называют праздной в экономическом смысле и с которой народная вера прежде всего связывает представления о тунеядстве высших слоев. Но если бы мы стали разрабатывать полноценную теорию таких специалистов по прожиганию жизни, это завело бы нас далеко.

После всего сказанного мы не будем ожидать, что наша картина экономики является также картиной социальной жизни, что социальные отноше-

34. «Почему страны, оказавшиеся в состоянии опустошения, быстро восстанавливаются» (англ.).—Прим. перев.

35. Но все же правильнее, чем Чалмерс (Chalmers), который и подтолкнул его к этому. Чалмерс обосновывает проблему (опираясь, в свою очередь, на Мальтуса) с помощью утверждения о пользе непроизводственного потребления.

ния могут претворяться в противоположности и общности экономических интересов. Однако ткань экономических отношений настолько плотна, что едва ли каждому социальному контексту будет соответствовать некая общность интересов, а каждому социальному противоречию — противоположность интересов. Но мы не можем, а ргіогі указывать, какая общность интересов будет способствовать образованию классов, и какие противоречия интересов поведут к социальным антагонизмам. Исключительно с экономической точки зрения невозможно определить партийные позиции в социальной борьбе. Решающим может часто стать одно отношение, так и другое, как дружеское, так и враждебное. Однако, социальные антагонизмы преимущественно разгораются вокруг экономических вопросов. Но конкретный вопрос, от решения которого зависит победа или поражение, столь же мало значим для сущности и глубинных причин социальной борьбы, как конкретная холмистая гряда, которую стремятся захватить две враждующих армии. Как эти армии борются за определенное поле битвы, так и социальные партии должны сражаться по практическим вопросам. Но ни обладание полем битвы, ни решение конкретного вопроса не является целью и причиной раздора.

Было бы трудно точно указать серьезные классовые противоречия экономической природы или просто определить, чем отличается классовое противоречие от универсального противоречия индивидуальных интересов. Сами по себе экономические противоречия вообще не носят классового характера. Разумеется, рабочее сословие выиграло бы, если бы ему были переданы земельная рента и статус собственника земли. Но точно так же любая часть земельных собственников выиграла бы, если бы им была предоставлена земельная рента остальных земельных собственников, а любая часть рабочих — если бы им была передана заработная плата остальных рабочих. Каждая часть этих классов и каждый отдельный член ее находятся в том же самом противоречии по отношению к своим товарищам по классу, как и к членам другого класса. И если бы землевладельцы и рабочие не были социально связаны друг с другом более тесно, чем с членами других классов, то они с той же легкостью думали бы об экспроприации других землевладельцев или других рабочих, если бы только каждого из них успокоили по поводу того, что экспроприация других не означала бы возможность экспроприации его собственной. Невозможно прийти к такому осмыслению понятия экономического противоречия, которое могло бы оказаться полезным инструментом анализа. Просто так из теоретической картины экономического процесса подобное понимание не вырастает.

Насколько мало социальное положение партии можно исчерпывающим образом объяснить исходя из экономических обстоятельств, весьма отчетливо показывают отношения между предпринимателями и рабочими. Нигде в социальном мире борьба не ведется более ожесточенно. И все же мы видели, что противоречие экономических интересов между ними вовсе не столь острое. Оно есть. Но оно носит характер противоречия интересов у двух участников одной обменной операции. Нельзя упускать из виду при-

сутствующую здесь реальную общность интересов. Оба участника — типичные враги в данных отношениях собственности. Но во многих случаях оба выигрывают и проигрывают одновременно. Предприниматели — лучшие клиенты рабочих. От них исходит постоянное улучшение положения рабочих. То, что эта сторона дела вообще не заметна, а другая бросается в глаза, отчетливо показывает, что здесь наверняка замешаны другие, не экономические, моменты. Не меньше, чем в низких зарплатах предприниматель заинтересован в низких процентных ставках. Если действия предпринимателя в отдельных моментах весьма часто вредят временным интересам рабочих, то это же самое справедливо и в отношении интересов капиталистов. Но до социальной борьбы здесь дело не доходит. Мы непосредственно видим, от чего зависит острота противоречия между предпринимателями и рабочими. Она возникает из отношения господства и подчинения, из каждодневных трений, порождаемых этим отношением. Рабочее движение гораздо меньше направлено против экономической функции предпринимателя, чем против абсолютного монарха предприятия, который грубо обошелся с каким-нибудь рабочим, лишив его тем самым части личной свободы.

Данные источники порождают также моральную атмосферу капиталистической экономики. И здесь для понимания вещей мы должны сообщить нечто негативное. Эта атмосфера объясняется не просто исходя из реальных экономических процессов. Она в сильнейшей мере находится под влиянием описанного нами процесса деклассирования. Она не так испытывала бы это влияние, если бы была только отпечатком экономической действительности и была бы гораздо менее мрачной. Но процесс деклассирования не является исключительно экономическим, он представляет собой еще и социально-психологический феномен, а потому его воздействие простирается гораздо дальше. Не только тот с недовольством реагирует на капиталистическое развитие, кто действительно был раздавлен им или хотя бы понес ущерб, но и тот, чья экономическая значимость (хотя его положение в абсолютном отношении не ухудшилось) относительно падает, и тот, чье социальное положение пострадало в результате продвижения вверх новых элементов. Владелец фабрики, встроенной в статический кругооборот, а также капиталист старой закалки критически взирают на новых людей и их действия, начисто забывая при этом, что у всякой фазы развития есть свой подростковый возраст. Пусть феодальный землевладелец благодарен развитию за рост своего богатства (особенно если его земельные владения находятся в каком-либо городе), он тем не менее взирает на предпринимателя с отвращением и неодобрением. Рабочий может подняться на культурную ступень, которая сделает его другим человеком, и все-таки он будет рассматривать прибыль предпринимателя как воровство из своего кармана, в особенности, если ему — как и большинству людей — не вполне понятны ее сущность и механизм возникновения. Получается, что ход развития почти во всех социальных слоях сопровождается глухим ворчанием. Нового человека не окружает ослепительный блеск старых ассоциаций, а его действия — защитная стена привычки, освященной временем. Издавна феодальный гос-

подин возвышается над своим окружением. А предприниматель не может утвердить свое более скромное положение надолго.

Все мы подходим к новому с традиционными твердо установленными масштабами и мерками, которые были созданы ушедшими отношениями — особенно в социальных явлениях. В нас самих прошлое бессознательно выносит приговор современности. И оно является самым пристрастным, самым субъективным судьей. Таким образом, новому приходится нелегко, ни перед действующими и сопротивляющимися (это само собой разумеется), ни перед холодным и беспристрастным наблюдателем, считающим себя таковым. Это справедливо на каждой отдельной волне развития, но в настоящее время — также и для категорий процессов капиталистической экономики.

Для изображенного процесса развития существуют достойные внимания аналогии из других областей социальной жизни, которые могут помочь дальше осветить нашу концепцию и показать, что бытие и процессы в этих других областях могут быть постигнуты с помощью одного из наших способов рассмотрения. Что представляют собой эти «другие области»? Например, политика, искусство, наука, общественная жизнь, моральные воззрения и так далее. Но по какому праву мы отличаем их здесь друг от друга? В основе разграничения различных областей социальной жизни лежит не просто некая абстрактная идея. Каждый человек ведь является также и хозяйствующим субъектом и фактически никто не является только хозяйствующим субъектом. Все отмеченные области более или менее затрагивают каждого, и почти никогда один из них не поглощает кого-нибудь полностью. Тем не менее разделение их по двум причинам означает не только рассечение действительно единых явлений. Во-первых, в каждой из этих областей мы находим людей, чья главная деятельность осуществляется именно в ней. В области экономики мы находим представителей хозяйственных профессий тех людей, которые занимаются хозяйствованием. Это рабочие, промышленники, коммерсанты, крестьяне и т. д. Тот, кто пишет историю экономики, сталкивается главным образом с этими людьми, это ясно. Их положение и их поведение определяет изображение индивидуального состояния народного хозяйства. В области искусства встречаются конкретные индивиды, в деятельности которых выражаются развитие и конкретное состояние искусств. В целом в каждом случае известно, что стоит за понятием «художник». В области политики такая же ситуация. И здесь мы находим людей, чей главный профессиональный интерес коренится тут и которые характеризуются именно этим. Даже те люди, которые, например, избрали полем своей деятельности экономико-политическое управление, не обязательно принадлежат к кругу хозяйствующих субъектов, и не обязаны в рамках данной промышленности иметь тот же авторитет, что и в политике. Мы хотим сказать, что различаемым нами областям соответствуют реальные и, в общем, также отличающиеся друг от друга группы людей. И когда, например, промышленник руководствуется политическими мотивами или художник — экономическими, то из этого еще не следует, что конкретное действие

первого объясняется чисто политически, а второго — чисто экономически. Машина строится не в соответствии с политическими принципами, а картина рисуется не в соответствии с законом предельной полезности.

Единство личности не обладает убедительной силой, чтобы исключить противоречия между действием одного и того же индивида в различных областях. Во всяком случае, ясно, что деятельность коммерсанта в его конторе и поведение того же коммерсанта как любителя искусства без труда можно развести с помощью соответствующей терминологии.

Аналогия, к которой мы хотим прийти, состоит в следующем: каждая из областей социальной жизни в каждый момент времени находится под формирующим влиянием данных, аналогичных тем, которые, согласно интерпретации статики, определяют народное хозяйство в каждый временной период. Приведем хотя бы один пример. Искусство какой-либо эпохи есть дитя ее. Географическое окружение, обстоятельства, которые определяют как народный характер, социальная структура, экономическое положение, господствующие взгляды на то, что представляется высоким и желательным или низким и презренным, — эти моменты формируют искусство в каждый исторический период. Современный историк стремится к тому, чтобы подтвердить это детальным образом. Состояние искусства можно объяснить, исходя из тех моментов, которые предоставляют ему задачи, средства и условия. Хотя и не вполне точно, но каждый человек чувствует, что здесь кроется великая истина. Если удовлетвориться ею, если рассматривать вещи с достаточного отдаления и *sub specie aeternitatis*, то мы можем сказать, что и для области художественного творчества существует статика, способ рассмотрения, который все объясняет аналогично тому, как политэкономия объясняет экономическую жизнь.

Такова одна аналогия — в каждый данный период можно научно рассматривать какую-либо сторону социальной жизни как результат конкретных параметров (*Daten*). И это, в самом деле, есть первый шаг к постижению действительности, и с его помощью достигается многое. Но указанная аналогия, идет дальше. Еще более ясным, чем при рассмотрении экономической жизни, является то, что теория развития искусства, построенная на подобном базисе, была бы пусть и не полностью ложной, но совершенно неудовлетворительной. Точно так же невозможно получить общей концепции всех областей социальной истории. Ибо бросается в глаза, что в области самого художественного творчества правят особые силы, что в своем развитии оно не просто пассивно идет на поводу внешних влияний и следует не только за изменениями среды. Этой области присуще характерное для нее развитие, обладающее такой же относительной самостоятельностью, как экономическое развитие. И так же, как в случае экономического развития, очевидное влияние внешних изменений не определяет прямо формирование художественной жизни. Оно само осуществляется таким путем, что дает толчок имеющимся в этой области и характерным для нее факторам и создает условия для их действия. От способа действия этих факторов зависит, какими будут конечные результаты их влияния. Все это знают. Каждый

человек в вопросах связанных с рассмотрением социальной жизни комбинирует на свой вкус оба крупных реальных факта — зависимость и относительную самостоятельность. Историк поступает так же. Изображая социальные состояния, он выбирает преимущественно те ходы мысли, которые отвечают схеме статики, хотя они по своей природе не полностью являются теоретическими. При изображении развития он отдает должное тому, что специфично для каждой области в отношении факторов развития. Если смотреть с этой стороны, то становится понятным индетерминизм, как правило присущий историкам. В основе этой тенденции или этой диспозиции осознанно или неосознанно лежит знание, что внешними данными невозможно все объяснить, более того, некоторые весьма важные явления демонстрируют во всех областях своеобразную самостоятельность. Пока причины ее не могут быть точно выяснены, указанный индетерминизм методологически рекомендован тем, кто в принципе убежден, что и для таких вещей существуют правила, задаваемые в общем виде, без учета того, что вне области экономики статическое объяснение также пребывает еще в пеленках. То, что мы прибавляем к этому знанию, есть только уточнение, а именно указание на феномен развития, где объяснение с помощью внешних причин не дает результата. Ученые делают ставку то на программу детерминизма, то на программу индетерминизма. Они всегда склонны возводить это различие к метафизическим воззрениям и защищать квазифилософскими аргументами. Наши рассуждения должны показать, что в этом противопоставлении нет нужды, что суть дела кроется не здесь, что, напротив, возможно обе трактовки понимать как методологические приемы, относящиеся к различным группам фактов, и тем самым прояснять ситуацию.

Не только для теории экономической жизни, но и для исследования всех других областей в жизни страны, имеются, таким образом, две различные проблемы: проблема объяснения сложившегося состояния и проблема развития. Если точнее: надо ответить на вопрос, как в данных условиях организовывать дела в каждой из этих областей, то есть каким путем определенное окружение принудительно приводит к определенной организации (*Gestaltung*) данной области. Другая проблема — это механизм развития. Обе проблемы соответствуют различным группам фактов, и их решение исчерпывает задачу теоретической реконструкции действительного хода событий.

Сущность процесса состоит в том, что состояния каждой области рассматривают как результаты данных, которые считаются неизменными. К этим данным относятся также состояния всех других областей социальной жизни. Выстроенная таким образом причинная цепь оказывается на первых порах, плодотворной. Но ее всеобщая познавательная ценность сильно снижается тем фактом, что ее можно применить ко всем областям социальной жизни. И каждый раз ситуация меняется на противоположную. Например, если экономику какой-либо эпохи объяснили из данных, среди которых встречается социальная структура общества, то эту последнюю также можно по аналогии объяснить из данных, среди которых встречается уровень развития народного хозяйства, и он в этом случае, в свою оче-

редь, считающийся неизменным. Данный факт понижает причинную цепь, о которой мы говорили, до уровня функционального отношения. Следующий шаг познания будет шагом, направленным на замену «рассмотрения причинной цепи» моментом «всеобщей взаимозависимости»³⁶. По сравнению с теорией статических фактов это важное преимущество, решающий прогресс. На место восприятия каждой области как результата воздействия других областей вступает концепция общего состояния социальной жизни как результата состояния общества в период, предшествующий рассмотрению. Это означает расширение нашего горизонта, но теория развития теряет при этом почву под ногами. Ведь поскольку переход от одного состояния к другому может происходить только по статическим правилам, а они соотносятся лишь с фактами, имеющими приспособительный характер, то в качестве объяснения причин изменения социальной жизни того или иного народа остаются только вмешательства извне и изменения природной среды. При рассмотрении причинной цепи мы могли допускать, что состояния областей, которые в данный момент не подвергаются изучению, как-то (то есть также и нестатическим образом) возникли, то это будет уже невозможно, если мы их все вместе захотим обозревать статически. При этом появилась бы теория развития, которая проходила бы мимо наиболее значимых явлений. Такой способ рассмотрения неудовлетворителен.

Теперь мы сделаем последний шаг на нашем пути. Существует еще одна аналогия между тем, что мы сначала изложили для области экономики, и процессам и в других областях социальной жизни. Она касается механизма, того относительно самостоятельного развития, которое свойственно каждой отдельной области социальной жизни. Мы говорили, что каждая из этих областей характеризуется реальной группой индивидов, чья главная деятельность осуществляется в данной области, пусть эти индивиды помимо этого действуют еще и в других областях; например, представители экономических профессий могут быть также политиками или любителями искусства, а политики и художники — хозяйствующими субъектами. Художественная публика есть для нас художественная публика, кем бы ни являлись индивиды, охваченные этим названием. Таким образом, в каждой области перед нами оказывается конкретная реальная масса людей, причем не имеет значения, что массы в других областях целиком или частично состоят из тех же самых индивидов.

Эти группы в каждой области можно разделить еще на две четко различаемые группы — как в случае хозяйствующих субъектов. В каждой области имеются статически настроенные индивиды и лидеры. Первые характеризуются тем, что делают то, чему обучены, они действуют в традиционных рамках и в своих воззрениях, склонностях, поступках находятся под определяющим влиянием данных своей области. Индивиды из второй группы характеризуются тем, что видят новое, изменяют традиционные рамки своей дея-

36. В малом масштабе этот ход развития виден по истории теории цен, см.: «Сущность», книга II.

тельности и имеющиеся данные. Мы наблюдаем это различие в искусстве, науке, политике, и всюду оно проявляется с одинаковой ясностью. Эти типы всюду четко разграничены, позволяя выделиться тем умам, которые создают новые художественные направления, новые «школы», новые партии, отличаясь от тех, кого порождают художественные направления, «школы» и партии. Мы всегда обнаруживаем эту аналогию между поведением большинства в разных областях и его поведением в экономике. С одной стороны, поведением тех, кто принимает данную материальную или идейную ситуацию, признает ее и приспосабливается к ней, а с другой — поведением меньшинства, характерной чертой которой является то, что данную ситуацию она сама изменяет.

Наша аналогия проявляется и в том способе, каким утверждается новое. Просто новая идея здесь недостаточна и никогда не утверждается «сама собой», то есть таким образом, что она серьезно взвешивается участниками и принимается в результате свободного решения. Ярko и наглядно это демонстрируется историей науки. Процесс, как правило, протекает таким образом: сильная личность берет новую идею и реализует ее благодаря своему влиянию. Не обязательно, чтобы эта личность была автором данной идеи, подобно тому как предприниматель, например, не обязан сам изобретать новый производственный метод, который он вводит у себя. Что характеризует лидера, как здесь, так и повсюду, — это энергия деятельности, а не энергия идеи. И эта функция важна для развития во всех областях. На незащищенную новую идею никогда не обратили бы внимания. Она осталась бы в неизвестности или ее не поняли бы. Ведь для восприятия чего-то нового необходим переворот в мышлении для всех, скользящих по статическим рельсам. Она натолкнулась бы на отвержение или же тот вялый неопределенный род одобрения, который никогда не приводит к подлинно плодотворному результату³⁷. Практически никогда новая идея без активного содействия лидера не будет восприниматься как реальность, с которой нужно считаться, которую следует признавать и приспосабливаться к ней. В статических буднях она погибла бы, так и не получив живого отклика. Она никогда не стала бы живо и настойчиво апеллировать к сознанию, призывая к действию. В лучшем случае она обрела бы роль игрушки в часы досуга, роль прекрасной утопии. Ибо как нечто действительное воспринимается лишь то, что уже видели действующим. В общем, это комплекс статических процессов и идей. На протяжении столетий новая возможность, несмотря на то что она известна многим, может прозябать без всякой пользы, не оказывая на внешний мир никакого воздействия.

Из этого прозябания ее вырывает личность лидера, причем во всех областях таким же путем, каким новое осуществляется в экономике. Это никогда не бывает реакцией на имеющиеся или высказываемые потребности. Всегда речь идет о давлении нового, которое еще незадолго до этого осмеивалось,

37. Логическое доказательство правильности какого-либо утверждения не имеет никакого значения, что известно каждому, кто следит за научными дискуссиями.

отвергалось или игнорировалось. Упирающуюся массу всегда необходимо принуждать, ведь она, собственно говоря, ничего не желает знать о новом, а зачастую вообще не представляет, о чем идет речь. Без сомнения, в каждой области социальной жизни имеются собственные средства и рычаги для осуществления нового. Пусть чисто личное влияние или внешняя сила играют в различных областях разные роли, эти моменты всегда присутствуют. Лидер собирает вокруг себя сторонников, помимо прочего, силой своей личности или с помощью других средств, он каким-то образом формирует определенную школу, партийную организацию, вес которой затем способствует осуществлению его цели. Осуществляет себя именно личность и лишь во вторую очередь — то новое, представителем которого она является. Лишь в броне школы или партии новая тенденция сама становится силой, может заставить уважать себя, вызвать дискуссии о себе и, наконец, добиться победы — стать реальностью, с которой надо мириться и которую нужно включить в число остальных фактов опыта³⁸.

Этого достаточно для нашей цели. Каждый в своей области найдет достаточное количество примеров, которые могут верифицировать и проиллюстрировать сказанное. Итак, мы утверждаем, что всякая область социальной жизни обладает своим собственным развитием и что механизм этого развития в определенных основных чертах повсюду один и тот же. Остается лишь еще один вопрос. Как получается, что, несмотря на эту относительную самостоятельность всех отдельных областей, существует великая истина, что каждый элемент каждой области в каждый период времени находится во взаимодействии с каждым элементом из каждой другой области, что все состояния всех областей определяют друг друга и входят в состав друг друга? Назовем совокупность этих областей социальной культурой народа, а совокупность всех ее развитий — развитием социальной культуры, тогда мы сможем спросить, чем, в соответствии с нашим способом рассмотрения, объясняется то, что социальная культура народа в каждый период времени представляет собой единство, а развитие социальной культуры любого народа всегда имеет единую тенденцию?

Это объяснение органического единства культуры определенной эпохи, которое следует присовокупить к нашему анализу, дается без труда. Воспользуемся методом рассмотрения, который сослужил нам важную службу при исследовании экономической жизни, и будем исходить из статического состояния социальной культуры народа в смысле, который мы определили; тогда все процессы развития, исходящие из этого состояния, будут иметь поначалу точку соприкосновения друг с другом, потому что все они начинают с одного и того же уровня, единство которого нам и понятно со статической точки зрения. Ведь мы видели, что в статическом состоянии процессы и отношения в каждой области социальной жизни совокупно определяются

38. При этом мы предполагаем, что данный процесс имеет аналогии с экономическими кризисами и что подобное развитие происходит также не равномерно, а рывками, и чередуется с периодами расслабления. Факты подтверждают это.

процессами и отношениям в каждой другой области. Прежде всего имеются данные, общие для всех областей (географическая среда и тому подобное), — да и в остальном состояние каждой области есть результат состояний всех других областей в силу существующего между ними всеобщего взаимодействия. В этой концепции, видимо, и находится решение проблемы статического культурного уровня. Это есть теоретическая формулировка знания, о котором мы только что говорили, а именно знания о том, что все элементы культурного уровня определенной эпохи взаимообусловлены и связаны друг с другом.

Однако процессы развития в отдельных областях социальной жизни не являются изначально единством, а, согласно нашей концепции, обладают относительной самостоятельностью, основанной на том, что ведущие группы в каждом круге состоят из различных людей, чья деятельность до известной степени не только не обязательно осуществляется в одном направлении, но, наоборот, может варьироваться в соответствии с индивидуальными особенностями людей. Это, как я полагаю, полностью соответствует опыту. В нашем сознании помимо знания о статическом единстве культурного уровня содержится еще одно: существует необъяснимое нечто, существование которого приводит к тому, что первое знание не исчерпывает целое социальной жизни. Но все эти отдельные развития исходят, как было сказано, в каждом конкретном случае из единого уровня, который содержит условия для них всех. Далее, все, что происходит в отдельных областях, действует на все другие области и частично способствует образованию нового единого культурного уровня. Мы уже видели, что экономическое развитие влечет за собой социальные изменения неэкономического рода. Но это только один случай общего явления. Успех в каждой области оказывает свое действие на другие области, прежде всего, на социальную организацию общества. Он повышает положение успешного «лидера» и помогает ему, в большей или меньшей степени, достичь социального могущества. Успех в каждой области влияет на социальные ценности, на то, что уважается, считается великим или желательным. Так действуют достижения в любом поле социальной деятельности, влияя, в конце концов, на все области социальной жизни и изменяя предпосылки и условия человеческой деятельности во всех областях. Искусство определенной эпохи оказывает политическое влияние, а политика — художественное, и так благодаря совместной деятельности возникают относительно самостоятельные развития, и это, если смотреть с достаточного расстояния, предстает как единое развитие культуры. Тем самым мы высвобождаем дело из закоряченных причинных цепей и возвращаем им жизнь. И в этой общей концепции развития культуры у экономики имеется свое определенное место.

Мы не будем проводить дальнейший анализ феномена культуры. Главное здесь то, что мы ничего не можем сказать о движущих силах развития культуры, о последних основаниях его. Ясно только, что мы не можем, как это неоднократно происходило, локализовать их в одной из частных областей культуры. Невозможно и точно вывести какое-либо состояние культуры

из предыдущего, по крайней мере так, чтобы не осталось чего-либо неучтенного. Ибо это означало бы, что мы могли бы предполагать наличие в последнем состоянии каких-то скрытых энергий, что имело бы смысл только в том случае, если бы мы о них что-то знали, особенно если бы было возможно измерить их. Поскольку об этом говорить не приходится, мы, без сомнения, должны удовлетвориться индетерминистской концепцией. Но мы можем по крайней мере указать, в каких точках имеется детерминированность и в какой — неопределенности, а так же каким образом идет процесс развития. Насколько известно, простые причинные цепи здесь бесполезны. Мы показали, в какой мере они плодотворны и где и почему они бессильны. Далее, преимущество нашего способа рассмотрения состоит в том, что оно опирается на осязаемые факты, а не на обстоятельства типа «власти идей», с одной стороны, и на такие, с другой, чье влияние невозможно рассмотреть в деталях. Но в первую очередь побудительная причина того, что на заключительных страницах я вообще привел эти рассуждения, состоит в том, что они образуют последнее звено хода мысли, который на каждом шагу опирается на факты и первые звенья которого базируются на элементарном, общеизвестном и общепризнанном опыте, с одной стороны, и на уже давно разработанных наукой тезисах — с другой. Это обстоятельство создает базис для только что проделанной попытки связывания фактов, которого, как правило, не хватает историко-философским рассуждениям. Наша концепция — не модная идея и не результат проведенных *ad hoc* рассуждений, но результат метода, уже подтвердившего свою правоту.

Сокращенный перевод с немецкого А. Б. Григорьева